

М.С.-Г. Албогачиева

ДЕМАРКАЦИЯ ГРАНИЦ ИНГУШЕТИИ

В классическом понимании граница — это реальная или воображаемая линия или ограждение, определяющая пределы какого-либо субъекта или объекта и отделяющая этот субъект или объект от других. Любое государство предполагает наличие определенной границы своей территории. Если государство знает точно пределы своей компетенции, демаркация границы проведена недвусмысленно, то это государство мощное и сильное, каким бы малым оно ни было [Албогачиев 2006: 133–135]. Однако в нашей стране есть республики, в которых нет четких территориальных границ, из-за чего происходят постоянные конфликты, доходящие даже до кровопролития (осетино-ингушский 1992 г.), или споры между жителями субъектов или их руководителями. Последними проблема демаркацией границ часто используется для пиар-кампании или иных политических целей.

К одному из таких государственных образований относится самый молодой субъект Российской Федерации — Республика Ингушетия. Вопрос о границах Ингушетии является дискуссионным. Республика была создана, однако не было внесено конкретных предложений по территориальным границам, хотя эти вопросы очень важны для функционирования нового государства. Из-за нерешенности проблемы на протяжении всего периода государственного строительства Республики Ингушетия вопросы о спорных территориях возникали и возникают.

Автор данной статьи ставил своей целью выявить точные внешние границы Республики Ингушетия. Для этого были исследованы и изучены различные письменные источники государственного строительства Ингушетии с периода вхождения ингушского народа в 1770 г. в состав Российской империи по настоящее время. Такая работа необходима для установления истинных границ субъекта, что позволит снять напряженность между смежными республиками, с которыми граничит Республика Ингушетия.

Для выполнения поставленной задачи я ставила перед собой цель выявить и изучить архивные документы, в которых рассматриваются вопросы территориального строительства, с привлечением полевых материалов, так как в официальных переписях значатся различные данные, касающиеся национального состава спорных территорий. С этой целью в период экспедиционных поездок я встречалась со старожилами спорных районов (Малгобекского, Сунженского районов РИ и Пригородного района РСО-А) для получения достоверной информации о взаимоотношениях жителей указанных территорий, их численном соотношении. Интересовалась их взглядами на перспективу совместного проживания на спорных территориях, об их пожеланиях относительно границ.

За трехлетний период экспедиционных поездок в Республику Ингушетию были изучены материалы Архивной службы Республики Ингушетию и архивохранилищ Музея краеведения им. Т. Мальсагова и Мемориального музея, в которых аккумулированы различные сведения относительно государственного строительства Ингушетии. Большая исследовательская работа была проведена и в Российской национальной библиотеке и Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, а также в некоторых библиотеках и архивах других регионов страны.

Имеющийся комплекс выявленных материалов позволил установить точные внешние границы на различных исторических этапах государственного строительства ингушского народа. Весь имеющийся материал сгруппирован по пяти периодам и расположен в хронологическом порядке.

Первый период — с XVIII в. по 1917 г.; второй — с 1917 по 1924 г.; третий — с 1924 по 1934 г.; четвертый — с 1934 по 1992 г.; пятый — с 1992 г. по настоящее время.

Такая подача материала позволяет рассмотреть все процессы государственного строительства на конкретных исторических этапах с указанием перемещения границ в силу различных исторических процессов, происходивших как в стране, так и в регионе. В каждый из рассматриваемых периодов наша страна жила

в различном идеологическом поле, в соответствии с которым происходила демаркация границ национальных образований.

Ингушетия с XVIII в. до 1917 г.

Поворотной вехой в истории ингушского народа стало добровольное вхождение в состав России. Этому предшествовал длительный и сложный период, связанный с расширением связей с русскоязычным населением сопредельных территорий. Исследователи отмечают, что взаимоотношения предков ингушей с русским народом и Россией стали регулярными со времени укрепления Русского централизованного государства, присоединения Казанского и Астраханского ханств и выхода России на берег Терека [Виноградов 1979: 22].

Россия вела здесь политику, еще далекую от динамичного наступления, базировавшуюся только на защите собственных геополитических интересов. Это внушало доверие к российскому царю у местной элиты, которая понимала и видела различного рода выгоды в этом союзе. В частности, во второй половине XVI в. Шиха-мурза Окуцкий принимал деятельное участие при разработке маршрута московского посольства. «С помощью Окуцкого был совершен первый переход к Дарьялу через “улусы”. Вместе с дворянином Павлом Широносовым Шиха-мурза Окуцкий прибыл сюда, чтобы встретить возвращающиеся в Москву посольства бояр Биркина и Пивова. С ними Окуцкий посылает в Московию своего племянника Батая, который везет московскому царю челобитную, в которой Шиха-мурза извещает о своей службе и желании принять русское подданство» [Алмазов 1999: 2].

В тот же период, с просьбой принять в российское подданство обратился Султан-Мирза, владелец ингушского селения Ларс в Дарьяльском ущелье [Магомадова 1976: 23]. Процесс стал набирать обороты, в XVII в. участились случаи обращения ингушских обществ к русской администрации на Тереке, в Москве. В 50–60-е годы XVII в. ингушские старшины выступают последовательными союзниками русской администрации на Тереке и неоднократно заявляют через Кизлярского коменданта о своей готовности принять российское подданство [История Ингушетии

2011: 18]. «Принципиальное положительное решение Правительствующего Сената по сути ингушских ходатайств сформулировано еще в 1757 году и доведено указами до коллегии иностранных дел и астраханской губернской канцелярии. Однако Россия до поры не имела возможности официально удовлетворить все более настойчивые обращения ингушей. Но когда началась русско-турецкая война 1768–1774 гг., аннулировавшая ограничения Белградского договора, Россия ответила на прошения ингушей реальными политическими действиями [Виноградов 1979: 32]. Важно подчеркнуть, что на тот период Россия была заинтересована в установлении контроля над единственной дорогой, соединяющей Моздок с Тифлисом, проходящей через земли ингушей [Очерки 1967: 83–84].

Вопрос о принятии в подданство более не терпел отлагательства. Кизлярский комендант И.Д. Немич доносил в святейший Синод о том, что 16 февраля 1770 г. явились к нему «Ингушевского уезда старшины Гарий Чапанов и Сурхови Мирзаханов, присланные от всего народа их общества с изъявлением их усердного желания поступить в вечное Е.И.В. подданство с тем, что они желают все генерально креститься, и просили, чтоб для принятия от них присяги послан был с ними в уезд чиновный человек и архимандрит Порфирий, которого они довольно знают и почитают» [АВПР. Ф. Осетинские дела. Оп. 128-2. Д. 1. Л. 1226–1227]. Документ был подписан 24 старшинами от каждого селения округов Большие и Малые Ингуши.

Во всех 24 селениях округов Большие и Малые Ингуши было до 900 дворов, и они могли выставить в случае необходимости до 1000 вооруженных людей [Мужухоева 1982: 86]. Академик И.А. Гильденштедт, посетивший ингушей в рассматриваемый период, приводит перечень этих 24 селений: «1. Галга; 2. Тирол; 3. Ака; 4. Беци; Гемир; 5. Ваурху; 6. Кир, Мереш; 7. Голай; 8. Иалхар; 9. Цорай; 10. Ной; 11. Хой; 12. Какхой; 13. Местой; 14. Нашах; 15. Цулуй; 16. Мелер; 17. Корби; 18. Махши; 19. Ас-сай; 20. Шадгга; 21. Асдай; 22. Хайрехи; 23. Цизди; 24. Паланг» [Гильденштедт 2002: 241].

Принимая в подданство ингушей, Россия брала обязательство обеспечить их внешнюю безопасность и содействовать переселению на равнины. Это позволяло ингушам начать массовое возвращение на свои равнинные земли, оставленные в период нашествия Тамерлана, и защитить поселения от агрессии феодальных воинских дружин князей Большой и Малой Кабарды, пытавшихся подчинить жителей равнинных селений Ингушетии своей власти и поставить их в вассальную зависимость. В некоторых случаях им это удавалось, жители части ингушских поселений были вынуждены откупаться от князей, т.е. уплачивать подать. Однако это зависимость была номинальной и недолговременной [История Ингушетии 2011: 18].

Несмотря на сложности рассматриваемого периода, к началу XVIII в. была заселена Тарская долина, 18 ингушских селений составляли округ Большие Ингуши с центром в с. Ангушт (ныне с. Тарское Пригородного района РСО-А), от которого произошло русское название народа [Волкова 1973: 159]. Жители, выделившиеся из этого округа, образовали округ Малые Ингуши с центром в селении Шолхи (ныне с. Карца Пригородного района РСО-А).

Укрепление южных границ империи сопровождалось строительством Кавказской военной линии от Терека до Моздока, что усилило военное присутствие России и ослабило позиции Кабарды в регионе.

Для связи Кавказской линии с Грузией и обеспечения регулярного сообщения вдоль Военно-Грузинской дороги было заложено новое укрепление. Для закладки крепости «10 марта 1784 года отряд в составе трех батальонов пехоты, шести сотен казаков и восьми орудий переплыл на правый берег Терека и стал бивуаком возле опушки рощи Заур при селении ингушей того же названия. 11 марта отряду была назначена дневка. В этот день к нему явилась депутация из соседних селений ингушей: Заур, Тоты и Темурки. Начальник отряда генерал Толмачев был приглашен вечером в гости в старинный галун (башня) рода Гудантовых. Здесь с высоты галуна он со штабом обозрел окрестность и выбрал место для будущего укрепления. На другой день, в день

памяти святого Симеона, было заложено укрепление и названо «Владикавказ» [Бывалый 1911: 2].

Крепость Владикавказ стала самым южным укреплением, замыкавшим вход в теснину р. Терек (Дарьяльское ущелье). Для охраны этого стратегически важного участка Военно-Грузинской дороги русское командование заключило с ингушскими старейшинами договор, согласно которому ингуши брали на себя обязательство за определенное вознаграждение выставлять 1000 воинов для охраны движения по Дарьяльскому ущелью [Христианович 1928: 65]. Генерал И.К. Ивелич в рапорте генералу С.А. Булгакову сообщал, что в 1807 г. для защиты от «хищнических» народов, окружающих Владикавказ, он предложил поселиться рядом с городом мирным и надежным ингушским жителям — старшине Ших-Мурзе Заитову, Темерко и Жанхоту Малсеговым, — «каждому из них со своею деревнею» [АКАК. Т. III. Д. 387. Л. 215]. Это обеспечивало спокойствие и безопасность горожанам и давало возможность ингушам вновь поселиться на территории, которой они были лишены после строительства Владикавказа.

Крепость Владикавказ стала выполнять важные военно-административные функции. В этом городе на протяжении всей дореволюционной истории были сосредоточены административные учреждения Ингушетии: в 1858 г. (Военно-осетинский округ), 1862 г. (Западный военный отдел), 1870 г. (Владикавказский округ). В эти территориальные единицы ингуши входили вместе с осетинами, и окружное их управление находилось во Владикавказе [Мужухоева 1982: 86]. Именно в крепости Владикавказской в августе 1810 г. был подписан договор с Российской империей представителями шести «лучших» ингушских фамилий (Торгимовы, Цецмембоховы, Агиевы, Картуговы, Яулурьевы и Хамхоевы) [ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 263. Л. 217].

За ингушами признавалось право беспрепятственного пользования землями и лесами по правую сторону течения реки Терека и хребта Кабардинских гор, продажи своих продуктов и изделий во Владикавказе. В целях самозащиты ингуши принимали на себя обязательство по содержанию русского войска, обещая создавать ему все необходимые для жизнедеятельности условия [АКАК.

Т. VIII. Д. 567. Л. 668]. Для защиты ингушей были переброшены из Владикавказа в Назрань донские казаки под руководством сотника П.А. Пантелеева [Захаревич 2011: 119]. Для усиления своих позиций военная администрация решила построить рядом с Назранью военный редут [История 2011: 206].

Получив надежную защиту, ингуши начали переселяться к реке Сунже. По данным Актов кавказской археографической комиссии, число переселившихся составляло 7000 чел. [АКАК. Т. IV. Д. 1376. Л. 896]. Ф.И. Горепекин писал: «Та часть, которых мы собственно называем ингушами и назрановцами, есть переселенцы из галгаевского аула Таргим из рода Ко-кале. Они в 1810 г. в количестве семи фамилий: Мальсагова, Бекова, Арчахова, Кастой, Плиатова, Сульдигиатова и Гириатова — поселились в Тарской долине, которая раньше их прихода называлась “Ангуш или Ингуш”, и также расположились в окрестностях теперешнего Владикавказа и Назрани» [СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 160. Л. 21]. Из вышеизложенных материалов следует, что активная миграция ингушей происходила в Тарскую долину и долины рек Сунжа, Фортанга, Назранка, Камбилеевка и Асса.

Несмотря на принятие российского подданства, многие горные общества еще считали себя свободными и никому не подвластными. В одночасье невозможно было изменить укоренившийся в народе стереотип об их свободе и независимости. С этим пришлось бороться главнокомандующему Кавказским корпусом А.П. Ермолову. Назначенный на этот пост в 1816 г., в течение десятилетнего пребывания на Кавказе Ермолов был наделен неограниченной военной, гражданской и дипломатической властью. Для подчинения непокорных горцев им был разработан план, в соответствии с которым должны были быть построены крепости и укрепления, чтобы выход из гор на равнину оказался под контролем русского командования. Так, в 1817 г. в верхнем течении реки Сунжа была перестроена и укреплена крепость Назрань, в 1818 г. построена крепость Грозная, в 1819 г. у кумыкского аула Эндери — крепость Воздвиженская. Строительство этих крепостей позволило отрезать жителей горных районов от плоскостных земель и лишило

их плодородных полей и пастбищ и возможности укрываться в случае совершения преступлений [Албогачиева 2011: 52].

Желание укрепить южные границы империи и ослабить горцев вынуждало царское правительство насильственно переселять последних на равнину. Не всегда удавалось достичь желаемых результатов мирным путем, чаще всего переселение бывало с применением силы. Реконструировать территорию расселения ингушей позволяют имеющиеся в нашем распоряжении документы рассматриваемого периода. Так, в донесении И.Ф. Паскевича военному министру А.М. Чернышеву сообщалось, что предпринята карательная экспедиция под командованием генерал-майора князя И.Н. Абхазова против джейраховцев, кистинцев, галгаевцев и тагаурцев для приведения их к присяге. 10 июля 1830 г. «джейраховские старшины и жители, добровольно покорившиеся, были приведены к присяге на верноподданство Государю Императору по существующим у них обычаям и в залог их верности взяты благонадежные аманаты. <...> 12 числа приведены к присяге жители деревень, лежащих в средней части реки Макалдона, и деревень, расположенных по реке Ассе, от всех названных селений взяты аманаты. Непокорившиеся селения Баина, Обин, Валакау, Калмикау, Верхний и Нижний Яулы, Суван были уничтожены» [АКАК. Т. VII. Д. 303. Л. 369]. В результате исчезли с лица земли многие горные селения. Автор, скрывающийся под инициалами Г.В., писал, что в 1830 г. большая часть ингушей была выселена с гор на равнину, в окрестностях Назрани, в горах, осталось меньше 1/3 всего населения. Выселенные ингуши стали называться назрановцами и заняли землю между реками Сунжа и Камбилевка от Главного Кавказского хребта до Кабардинских гор [Г.В. 1891: 4].

Процесс переселения горных обществ продолжился в июле 1832 г., когда генерал-лейтенант А.А Вельяминов приступил к покорению карабулаков¹. В ходе этой экспедиции были истреблены деревни Меркей, Амгите и вновь покорились жители пяти карабулакских деревень и вторично присягнули на верноподданство

¹ Карабулаки — этническое подразделение ингушей.

жители одиннадцати деревень. В результате карательных экспедиций было уничтожено восемь деревень [АКАК. Т. VIII. Д. 582. Л. 682.]. В отношении барона Г.В. Розена к графу А.И. Чернышову за 1832 г. сообщалось, что 23 июля истреблено восемь деревень, 24 июля истреблено еще девять деревень [АКАК. Т. VIII. Д. 582. Л. 681]. В результате этих военных действий было разорено и уничтожено 27 деревень, все имущество разграблено, а прилежавшие к уничтоженным аулам поля потравлены, что лишило оставшихся в живых возможности жить на этих местах. Высвободившиеся земли были перераспределены: частично переданы государственной казне, частично — казачьим станицам, созданным для укрепления Сунженской линии. Так, в 1845 г. на месте ингушских селений Эбарг-Юрт и Курай-Юрт, были основаны станицы Троицкая и Сунженская (с 1851 г. — Слепцовская, с 1957 г. — Орджоникидзеvская). В 1847 г. на южном склоне Терского хребта основана ст. Вознесенская на месте ингушского с. Махьмад-Хите. Ингуши из указанных поселений вынуждены были переселиться в селения, расположенные в долине р. Назранки [Куркиева 2013: 20].

В силу ряда экономических и политических причин ингуши не раз вынуждены были менять местоположение своих аулов, что вело к нестабильности поселений. Вместе с тем нужно отметить, что на том историческом этапе не было сформировано единое государство, и ингуши именовались по-разному. Не лишним будет привести официальную справку об этнических подразделениях ингушей, дабы снять спорные вопросы о границах проживания ингушей и их принадлежности. В Военно-статистическом обозрении Ставропольской губернии за 1851 г. сообщается, что ингушское племя занимает плоскость и котловины Кавказских гор с правой стороны Терека до верхних частей Аргуна и до течения р. Фартанги. К ингушскому племени принадлежат: 1) Назрановцы с Комбулейским обществом, 2) Джераховцы, 3) Карабулаки, 4) Цоринцы, 5) Ближние Кистины с небольшим обществом Малхинцев, вновь покорившихся, 6) Галгай, 7) Галашевцы и 8) Дальние Кисты» [Военно-статистическое 1851: 231].

Хочется подчеркнуть, что карабулаки и назрановцы — два смежных плоскостных ингушских территориальных общества — имели единые органы управления и входили в состав Владикавказского округа (с 1857 по 1860 гг. — Военно-Осетинский округ). С начала 1860-х годов в составе Ингушевского округа Терской области существовал Карабулакский участок, в границы которого входили земли не только современного Сунженского района Ингушетии (включая и сельские поселения Серноводская и Ассиновская), но и Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики. Карабулакский участок Ингушского округа был упразднен в 1865 г. в связи с массовым выселением жителей участка в Османскую империю. Все вышеперечисленные этнические подразделения в силу разных причин меняли свое место расположения, считая землю и леса своими [Гадиев 2013: 143].

Ингушские селения были малочисленны и разбросаны, это осложняло полицейский надзор над местным населением и осложняло сбор налогов. Для более эффективного и скорейшего выполнения поставленной задачи командующий войсками Левого крыла Кавказской линии генерал-лейтенант Н.И. Евдокимов приказал 3 ноября 1858 г. поселить в большие «аулы туземцев Назрановского, Галашевского и Карабулакского обществ; уничтожить аулы, лежащие в глубине лесов по верховьям Ассы и Фортанги, жители которых занимаются постоянно разбоями; наконец, проложить удобное сообщение в верховьях Ассы, дабы иметь ближайшие сообщения с вновь покорившимися обществами, живущими между верховьев Терека и Аргуна» [АКАК. Т. XII. Д. 978. Л. 1116]. Даже было предложено для умиротворения этого народа переселить на Дон выходцев с гор и усилить Кавказскую линию казачьим населением [АКАК. Т. XII. Д. 978. Л. 1090].

Необходимость в завершении строительства Сунженской линии вынуждала местную власть экспроприировать земли ингушей для расселения казаков. Жители многочисленных небольших родовых поселений ингушей в Тарской долине, окрестностях Владикавказа, по р. Камбилеевке, по Сунже и Ассе были насильно выселены, на их территориях возводилась цепь казачьих станиц [История 2011: 20]. На месте крупнейших и старейших

поселений ингушей, располагавшихся на территории современного Пригородного района Северной Осетии (Ангушт, Ахки-юрт, Таузен-юрт и Шолхи), были основаны казачьи станицы — Тарская, Сунженская, Аки-юртовская и хутор Тарский [Мартиросиан 1928: 76].

Подобное отношение местных властей вызывало все большее и большее недовольство ингушей. 23–25 мая 1858 г. произошло столкновение ингушей с казаками, названное историком В.Б. Скитским «Назрановским возмущением». Он писал: «Страх перед русской властью, надежды на материальные блага (землю, службу) за лояльность по отношению к ней склонили их (ингушей. — М.А.) в пользу русских, но жестокость власти, несправедливость и злоупотребления ее толкали их к Шамилю. Магометанская вера становилась знаменем в этой борьбе с экономическим и политическим гнетом русских. Всякая попытка русской власти насильственно нарушить традиционный уклад жизни, согнать с насиженных мест и построить быт на новых началах возбуждала подозрительное и враждебное отношение со стороны руководящих групп общества» [Скитский 1930: 34].

Восстание было жестоко подавлено: «Пять человек, признанных главными виновниками мятежа, были приговорены к повешению на том самом холме, на котором они собирали народный сбор, 33 человека было приговорено к наказанию шпицрутенами через 100 человек по 10 раз, с лишением их всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на каторжные работы; в рудники без срока 5 человек и на работу на заводах на 8 лет 28 человек. Поручик Чириков, из уважения к прежним заслугам, был приговорен к каторжным работам в крепости на 12 лет, а прапорщик Шамбатов, в виду 70-летнего возраста, в Сибирь на поселение [Скитский 1930: 34].

Создавая на равнине крупные аулы, царские власти стремились навсегда покончить с притязаниями населения на земли, отрезанные для колониальных нужд. Укрупнение населенных пунктов облегчало полицейский надзор и сбор налогов [Очерки истории 1967: 125]. Мелкие хутора были уничтожены, созданы крупные населенные пункты, такие как Плиево, Барсуки, Гамур-

зиево, Альтиево, Насыр-Корт, Экажево, Сурхахи, Базоркино и т.д. Некоторые селения получили названия от личных имен старшин, назначенных военной администрацией [Кодзоев 2005: 49]. Переселение в большие аулы, сопровождавшееся экспроприацией в казну наиболее плодородных ингушских земель, не только означало сокращение фактического землепользования, но и вытесняло ингушей с территорий, которые ассоциировались ими с исторической родиной, с «землей отцов» (Дай-мохк — инг.) [Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе 2014: 26].

Однако это не решало вопрос малоземелья, усугубившегося вследствие миграционного притока русско-казачьего населения. В 1865 г. Комиссия по личным и земельным правам туземцев Терской области признала размеры земельных наделов жителей Назрановского общества неудовлетворительными и недостаточными. В условиях недостатка земли командующий войсками Терской области Лорис-Меликов предложил выселить часть ингушского населения в Турцию. Был найден благовидный предлог — паломничество в Мекку как один из пяти столпов ислама, обязательный для каждого мусульманина. Выселение в Турцию «неблагонадежных народов» происходило вследствие проводимых реформ, но основной причиной все-таки была их религиозная принадлежность [ОР РНБ. Ф. 73. Д. 844. Л. 27]. Г.А. Дзагуров писал, что многие ингуши категорически отказывались покинуть родину, но были и такие, кто надеялся на лучшую долю в стране, где живут братья-мусульмане. Переселение в Турцию в 1865 г. возглавил генерал-майор осетин Мусса Алхазович Кундухов, с которым решило покинуть родину ингушское «племя» карабулаков во главе с штабс-капитаном Алико Цуговым [Дзагуров 1925: 64]. Переселилось порядка 3–5 тысяч ингушей (карабулаков). Как сообщал А.П. Берже, переселившиеся в Турцию ингуши поселились частью на Сагангукском хребте, частью же к югу от Диарбекира, по окраинам Месопотамии (рис. 1) [Берже 1879: 7].

Обещания большей частью остались на бумаге, Турция, принявшая их с готовностью, обещавшая свободу и каждому семейству полное хозяйство, не оказала им в должной мере поддержку, а вспыхнувшая среди них в дороге эпидемия «унесла в

Рис. 1. Ингуши в Турции

вечность половину эмигрантов» [Альтемиров 1919: 23]. Обманутые в своих надеждах и разочарованные переселенцы искали возможность вернуться на родину. Зная о бедственном положении соотечественников, почетные представители 15 аулов Назрановского общества в 1869 г. подали прошение с просьбой вернуть из Турции 76 дворов их родственников, причем в документе отмечено, что они обязуются принять на себя все издержки по возвращению, отвечать за их поведение и поместить на отведенной им земле, а для разыскания места жительства просят отправить на свой счет в Турцию «доверенных лиц» [Дзагуров 1925: 163]. Просьба переселенцев не была удо-

влетворена. Лишь незначительная часть из них сумела нелегально вернуться на родину, но здесь места их прежнего проживания уже были заняты новыми поселенцами, так что им приходилось искать другие места жительства. Как сообщал М. Иг-ев, селение Сагопш «состоит из 324 домов; жители его все карабулаки, из которых около двух третей выходцы из Турции; это те, которые отправились с генералом Кундуховым в Турцию и потом возвратились вспять» [М. Иг-ев 1885: 4]. Оставшиеся жители были расселены в селениях Пседахского и Назрановского участков Ингушевского округа [Гадиев 2013: 149]. Статистические данные того периода свидетельствуют о сокращении численности ингушей с 28 тыс. в 1858 г. до 25,6 тыс. в 1874 г. [Белозеров 2005: 65].

Царские власти испытывали глубокое удовлетворение, так как значительная часть карабулаков сама покинула край, не создавая дополнительных проблем. Они вынуждены были искать спасения в далекой Турции от произвола и беззакония властей. Живя на стыке Ингушетии и Чечни, карабулаки занимали важное стратегическое положение и подвергались частым репрессиям как непримиримое и свободолюбивое племя [Базоркин 2002: 128].

В 1860–1866 гг. в Ингушетии была проведена земельная реформа. По распоряжению генерал-фельдмаршала князя Барятинского в 1860 г. Назрановскому обществу был указан в пользование занятый названным обществом участок в размере 62 тысяч десятин, ограниченный с запада Тагаурским обществом Осетинского округа, с севера — Малокабардинскими горами и с востока и юга — землями 1-го Сунженского и 2-го Владикавказского казачьих полков.

Однако при распределении земель возникали постоянные неурядицы. Разбор существовавших в Назрановском обществе земельных отношений, а также рассмотрение условий экономического быта населения этого общества и проверка численности его были возложены на Терскую Сословно-Поземельную Комиссию.

По собранным комиссией сведениям оказалось, что в районе участка, предназначенного князем Барятинским для назрановцев, водворено 15 аулов, заключающих в себе 3715 дворов и 9800 душ мужеского пола. Кроме того, к Назрановскому обществу были причислены проживавшие на земле, приобретенной покупкою в казну от князей Бековичей-Черкасских, аулы: Пседах, Кескем, Соготи и Ахбарзой, в числе 580 дворов.

Таким образом, расчет поземельного надела населения Назрановского общества необходимо было произвести всего по числу 4295 дворов.

Так как в районе Назрановского участка, как оказалось по собранным данным, не имеется таких земель, которые принадлежали бы кому-либо на правах частной собственности, а равно нет и земель, состоящих в непосредственном распоряжении казны, кроме отведенных Назрановскому укреплению,

то поэтому для удовлетворительного разрешения вопроса об устройстве поземельного быта назрановцев требовалось, прежде всего, определить достаточную норму подворного надела, назначить прирезку к Назрановскому участку недостающего в оном, для надела по норме, количества земли, разобрать пограничные поземельные споры и вместе с тем рассмотреть предположение местного начальства о прирезке назрановцам, по безлесности их земель, лесного участка до 2,5 тысяч десятин, из земель, отведенных 2-му Владикавказскому полку, которому, взамен того, предоставить вознаграждение из свободных земель бывшего Карабулакского участка.

Сделанные выводы, из собранных данных об условиях экономического быта населения Назрановского общества, показали, что каждая отдельная семья этого общества, средним числом, состоит из 5 душ обоего пола и имеет: 2 рабочих скотины, 2 гулевых (телят и коров), 1 лошадь и 12 овец, и что для такого хозяйства потребно: 4 стога сена или 8 десятин покоса, 4 десятины пастбища и 6 десятин для пахоты.

Вследствие этого Его Высочество Главкомандующий, признав, по качеству земель Назрановского участка, достаточным предоставить в надел населения этого участка по 18 десятин на двор и возложив на особую комиссию, учрежденную из членов со стороны казачьего и горского Ведомств, формальный обход внешних границ Назрановских земель, разбор пограничных споров назрановцев с казаками и обсуждение предположений о прирезке назрановцам лесного участка, 2-го апреля 1866 г. изволил утвердить нижеследующие главные основания для решения поземельного вопроса в Назрановском обществе:

1) Населению всех 15 аулов Назрановского общества, а также и аулам: Пседах, Кескем, Согопи и Ахбарзой, предоставить поземельный надел в размере, средней нормою, по 18 десятин на двор.

2)Надел этот произвести:

а) из участка земли, указанного в пользование назрановцев в 1860 году, по плану, утвержденному князем Барятинским,

всего в количестве 62 807 десятин, с выделом из этого количества 580 десятин укреплению Назрановскому и постам Назрановскому и Камбилеевскому, и

б) из соседней с Назрановским обществом земли, купленной в казну у князей Бековичей-Черкасских, из которой Его Высочество предназначил для этой цели 16 100 десятин.

3) Для устранения крайне неравномерного пользования землею между отдельными личностями и целыми аульными обществами, происходившего большею частью от произвольных захватов, произвести временное распределение Назрановских земель, сообразаясь с назначенною нормою надела, в пользование каждого аула, а также приступить и к составлению проекта окончательной нарезки аульных дач.

На основании вышеприведенных указаний летом 1866 года было произведено временное распределение между аулами земель Назрановского общества и прирезанных этому обществу, из бывшей дачи князей Бековичей-Черкасских, 16 100 десятин, а равно составлен уже окончательный проект нарезки аульных дач [ССКГ 1869: 41].

Несмотря на эти мероприятия, далеко не все дворы, даже не все аулы получили одинаковые наделы. Деятельность Особого отдела Терской поземельной комиссии особого успеха не имела. В результате чего земельная реформа в Ингушетии затянулась на десятки лет. В Горском участке Ингушского округа земельная реформа так и не была проведена до Октябрьской революции 1917 г., хотя все эти десятилетия постоянно работали всевозможные комиссии [История 1988: 266].

Главной задачей было не только удовлетворение жизненных потребностей жителей, но и умиротворение края. Для этой цели в 1866 г. Ингушетия в административном отношении была отделена от Чечни и имела общую границу с ней только в высокогорной части. А по Черным горам и по предгорьям до самой реки Терек между Чечней и Ингушетией были вклинены казачьи наделы [Очерки истории 1967: 124], что осложняло контакты с соплеменниками, оставшимися по другую сторону границы. Известно,

что некоторые ингушские хутора и селения Нижний, Средний и Верхний Бамут в указанные период располагались на территории Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики [Посемейные списки 2013: 144].

Все вышеуказанные меры были предприняты для усиления тотального контроля над местным населением. Для укрепления собственных позиций в Терской области в 1888 г. было введено военно-казачье управление. Ингушетия была включена в состав Сунженского казачьего отдела [Очерки 1967: 243], управление отдела находилось во Владикавказе. В границы Сунженского отдела входила вся территория современной Ингушетии, а также часть Ачхой-Мартановского, Грозненского и Надтеречного районов Чеченской Республики и Моздокского района республики Северная Осетия-Алания. На указанной территории располагались и ингушские селения: Верхний и Нижний Датых, Верхний и Нижний Аршты, Семиогоч, Нижние, Средние и Верхние Бережки, Футун, Нижний и Верхний (Серали Опиева) Алкун, Галашки, Мужичи и другие [Посемейные списки 2013: 144].

С введением военно-казачьего управления военные чины получали особые права на арест и ссылку любого представителя местного населения по подозрению. Были введены правила, усилившие регламентацию жизни горцев, в основу которой был положен принцип круговой поруки. С 15 марта 1891 г. запрещалась аренда земли, принадлежавшей казачеству. В сентябре 1894 г. было утверждено «Временное положение о мерах для удержания туземного населения Терской области от хищничества и всяких насилий против лиц нетуземного населения». С этого периода местные жители несли коллективную ответственность за преступления, совершенные в аулах и на сопредельных дорогах [Терский календарь 1894: 57–58].

Однако эти правила не могли восполнить земельный голод, что подталкивало горцев к самовольным захватам земель, вырубкам лесов. Особенно трудное положение создавалось в нагорных районах, где до 40 % хозяйств совершенно не имело пахотных и сенокосных участков. Власти стимулировали военных и чиновников, горскую и казачью верхушку, верно служившую царизму,

наделяя их участками казенной земли [РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 57. Л. 26 об.]. Горцы были вынуждены арендовать у казачества собственные земли: хутор Алкун, Мужичи, Галашки, Датых, Сагопши, Мерпшед, три хутора Берижи, два хутора Аршты, два хутора Бамут, Мергисты, Лергébени, Гадоборш, хутор Кириллов [Гойгова 1963: 14].

Земельный вопрос вызывал огромный антагонизм между ингушами и казаками, проявлявшийся во взаимных убийствах, поранениях и грабежах. Все это вызвало рост карательного-репрессивной активности властей. Особую жестокость и несправедливость к ингушскому народу проявлял атаман И.С. Суrowецкий. Ингуши обращались на него с жалобой наместнику Его Императорского Величества на Кавказе.

Со времени назначения атамана Сунженского отдела генерал-майора Суrowецкого вражда казачьего населения к ингушскому народу возросла до крайних пределов, а также усилились ското- и конокрадство, разбои и грабежи. Объясняется это теми суровыми мерами взысканий, которые генерал Суrowецкий практикует по отношению ингушей. Из этих мер особенного внимания заслуживают ночные обыски, производимые генералом Суrowецким, начальником участка, с сотнями казаков в ингушских селениях. Во время этих обысков у жителей отбираются скот и лошади как ворованные и отдаются казакам. Таким образом, скот и лошади были отобраны у жителей селений Экажево, Яндырское, Нижний Ачалук, Долаково. Во время обысков казаки держат себя крайне вызывающе по отношению ингушей, что, конечно, не может не раздражать. Казачье же население, надо полагать, в силу особой инструкции, данной станичным атаманом, смотрит на ингушей, как на диких зверей, при каждом удобном случае расстреливает их, где попадетя: на дорогах, в степи, за работой, в лесу и селениях. На жалобы ингушей на такое ни с чем не сообразное истребление их казаками не обращается ни малейшего внимания. Мы уверены, что с переменой состава администрации Сунженского отдела отношения между

*казаками и ингушами несомненно улучшатся. Нам желатель-
но было бы, чтобы по распоряжению Вашего сиятельства
в состав администрации Сунженского отдела были бы на-
значаемы офицеры из ингушей, как близко знакомые с бытом,
нуждами и потребностями ингушского народа (цит. по: [Джа-
багиев 2007]).*

В рассматриваемый период у ингушей и казаков накопилось огромное количество взаимных жалоб и претензий, в которых были виноваты то одни, то другие. Жалобы дошли до обсуждения в Городской Владикавказской и Государственной думе 1905 г., где рассматривался вопрос о причинах грабежей и разбоев. Изучив обстоятельства дел, комиссия пришла к выводу, что причина беспорядков кроется в тяжелом экономическом положении и несправии горцев, для которых не было сделано ничего для повышения культурно-образовательного уровня и их благосостояния [Терские ведомости 1905].

Ингушам удалось добиться реформы территориального устройства области. Был восстановлен Назрановский округ, включивший ингушей из Сунженского отдела. Теперь в состав области входили Назрановский, Владикавказский, Грозненский, вычлененный из него в ходе реформы Веденский, Нальчикский, Хасавюртовский округа и Сунженский, Моздокский, Кизлярский и Пятигорский отделы. Таким образом, в 1905 г. Ингушетия была выделена в самостоятельный округ Терской области с центром в крепости Назрань [История Ингушетии 2011: 288]. Спустя два года приказом по военному ведомству от 3 ноября 1907 г. было продлено действие закона о Назрановском округе до первого января 1911 г.

Вместе с тем отмечалось, что если окажется возможным упразднить существование отдельного Назрановского округа ранее продленного срока и восстановить прежнее административное устройство Сунженского отдела, то это следует произвести властью войскового наказного атамана [Матиев 2013: 65].

Существование Назрановского округа на правах временного образования тревожило народные массы. В январе 1908 г. «вы-

Рис. 2. Татре Албогачиев

борные от ингушского народа поручик Татре Албогачиев (рис. 2), Шаптуко Куриев и Дугуз Хаджи Беков прибыли в Тифлис с целью ходатайствовать перед наместником Его Высочества на Кавказе об утверждении временно образованного Назрановского округа». Прошение было удовлетворено, Назрановский округ в указанных границах был утвержден 10 июня 1909 г. «Назначить местопребыванием управления Назрановского округа местечко Назрань» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 849. Л. 123–128]. Но в виду отсутствия в Назрани соответствующего помещения в феврале 1913 г. Государственный совет и Государственная дума внесли новое постановление: назначить

временно Владикавказ местопребыванием управления Назрановского округа Терской области впредь до обеспечения этого управления помещением в местечке Назрань, но не далее 1 января 1917 г. [РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1084. Л. 47].

Утверждение Назрановского участка не могло решить проблемы, связанной с взаимным антагонизмом казаков и ингушей. Местное население испытывало на себе репрессивные методы воздействия властей. Особенно невыносимые условия были созданы жителям в период преследования абрека Зелимхана. Жители горных селений, подозреваемые в укрывательстве абрека, были подвергнуты страшным репрессиям. Из рапорта генерал-адъютанта графа И.И. Воронцова-Дашкова следует, что жители ингушских селений Кек и Нелх со своими семьями будут выслааны в Сибирь, а хутора, расположенные по Ассиновскому ущелью,

будут уничтожены, жители же переселены [РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 39. Л. 9 об.].

По поводу этих репрессивных мер журналист А.А. Яблонский писал:

Если присмотреться к карательной политике, практикующей на наших далеких окраинах и в особенности среди горных кавказских племен, то всякому стороннему наблюдателю непременно бросится в глаза эта юридическая нелепость: за преступление, совершенное отдельными лицами, наказание несут не только целые села и целые общины, но и прямо целые народы. И это настолько вошло в обычай, что всякий раз, когда власти не могут собственными силами изловить разбойников или задержать грабителей, они налагают денежные и всякие другие взыскания на семейство разбойника, на его односельчан и даже на весь народ, откуда разбойник происходит. Обратите внимание, напр., на кровавую историю нынешнего главы кавказских абреков Зелимхана. Зелимхан совершил целый ряд преступлений: его шайка застрелила несколько русских офицеров и солдат. Но так как Зелимхан, которого преследуют целые воинские отряды, до сих пор не пойман, то кавказская администрация приняла за благо, во-первых, арестовать семью Зелимхана, а во-вторых, лишить земли все племя ингушей — земли, которую ингуши возделывают уже 50 лет. Спрашивается, какие юридические доводы лежат в основании этой меры? Если семья Зелимхана (его жена и дети) совершила какое-нибудь преступление, то, разумеется, она должна быть арестована и предана суду... Ведь не трудно же догадаться, что полудиккий абрек прежде всего должен понять и осмыслить ту меру, которая против него в данном случае принимается. Абрек знает, что за убийство его повесят, что за грабеж он пойдет в каторгу, а за воровство — в острог. Но он никогда не поймет, что русский закон может наказывать детей за грехи родителей. С его точки зрения, это будет лишь кровная месть, которую он, как дикарь, конечно, знает и понимает. Но раз дело ставится на

почву мести, то вы никакими силами не докажете Зелимхану, что, устраивая засады и стреляя из-за угла, он совершает не только преступление, но и подлость.

Какая подлость? Мою семью ведут под конвоем в город, а я с товарищами устроил засаду и стреляю. Мне мстят — и я мщу, только и всего.

Еще меньше поймут абреки ту меру, которую применила кавказская администрация по отношению ко всему племени ингушей. Прежде всего, в виде кары за преступления Зелимхана, с них взыскивают 40 тысяч рублей старых недоимок. Практически это, конечно, значит, что весь скот и все домашние пожитки полунищего племени будут проданы с молотка и население останется без лошадей, без коров и без баранов. Но хотя этой одной меры совершенно достаточно, чтобы пустить людей по миру и толкнуть их на воровство и грабежи, однако, кавказская администрация придумала и еще одно средство “для наказания Зелимхана”. Именно, администрация решила отнять у ингушей те казачьи земли, на которых они живут еще со времени покорения Кавказа. Целых 50 лет работали ингуши на этих землях, кавказская администрация былых времен (напр., Ермолов и др.) употребляла неимоверные усилия, чтобы приучить это полудикое племя к оседлости и заставить его заниматься земледелием. Но когда эта поистине благая мысль нашла, наконец, свое осуществление, когда на заброшенных, пустынных землях выросли хутора, зазеленели сады и заколосились возделанные поля — вдруг явился генерал Михеев и сказал:

— Земледелие прекратить, постройки снести и землю отнять!

На исполнение этого, в полном смысле слова, соломоновского решения генерал дал четырехмесячный срок, по истечении которого вся земля ассинских ингушей должна быть обращена в первобытное состояние. <...>

И все это только за то, что абрек Зелимхан совершил убийство, а русской администрации не удалось поймать его! [Яблонский 1912: 231].

Несмотря на просьбы и увещания, на приговоры ингушского общества, клятвы и договоры от всего народа, приговор был приведен в исполнение, населенные пункты, располагавшиеся в Ассиновском ущелье, исчезли, а его жители были сосланы в Сибирь. Их дважды переселяли после этой ссылки, но об этом нет сведений в официальных документах. Об этом говорят те, кто родился в местах ссылки и помнит по рассказам родителей, за что они были сосланы в Сибирь [ПМА 2014].

Несмотря на утверждение Назрановского округа, между ингушами и казачьим населением возникали постоянные споры и недовольства, приводившие к тяжелым последствиям. Революционный настрой местного населения еще больше усилил антагонизм между ними в период и революции, и Гражданской войны.

Ингушетия 1917–1924 гг.

Февральская революция положила начало новому этапу в развитии национально-освободительного движения народов России и создала условия для формирования национально государственных образований. Новая государственная власть провозглашала защиту интересов народа. В основу Декларации прав народов России (2 ноября (15) 1917 г.) и Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (3) 16 января 1918 г.) были положены принципы равенства всех наций и народностей и признание права наций на самоопределение. Неприкосновенными объявлялись верования, обычаи и традиции, национальные и культурные учреждения народов Поволжья и Крыма, Сибири и Туркестана, Северного Кавказа и Закавказья.

5 (18) марта 1917 г. во Владикавказе возник орган Временного правительства — Областной гражданский комитет, состоявший из представителей буржуазно-дворянских и клерикальных слоев горских народов, высших чиновников старого аппарата, эксплуататорской верхушки казачества и отдельных мелкобуржуазных элементов [История народов Северного Кавказа 1988: 565]. Во главе Назрановского округа стал В.-Г. Джабагиев.

В мае 1917 г. на Северо-Кавказском конгрессе, проходившем во Владикавказе, был создан Союз горцев Северного Кав-

каза. Конгресс образовал Центральный комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, основной задачей которого была подготовка к созданию Северо-Кавказской республики [Козлов, Полян 2011: 487]. Возглавляли Союз кумыкский князь Р.Х. Капланов, чеченский нефтепромышленник Т. Чермоев, бывший чиновник ингуш В. Джабагиев, кабардинский коннозаводчик П. Коцев и др. В ноябре 1917 г. Союз объединенных горцев провозгласил создание «Горской республики», а свой руководящий центр — «Горским правительством» [Коренев 1967: 65]. Союз объединенных горцев функционировал в качестве высшего представительного и исполнительного органа власти народов Северного Кавказа. Его руководство было привержено идее установления в России через Учредительное собрание Демократической Федеративной Республики «отдельных самоуправляющихся автономных областей, с особыми законодательными палатами и выборными правительственно-административными органами, которым принадлежит право местного законодательства во главе с единой общероссийской палатой и выбираемым палатой президентом» [Султыгов 2007: 67].

В ноябре 1917 г. ЦК Союза объединенных горцев принял решение о создании Горской автономии. Ингушетия в административном отношении на правах национального округа во главе с окружным исполкомом входила в состав Горской Республики. В то же время территория Ингушетии не имела четко очерченных границ и была абстрактно зафиксирована — Назрановский округ (Ингушетия). Назрановский округ подразделялся на десять волостей: Ассиновскую, Ачалукскую, Базоркинскую, Горную, Граничную, Надтеречную, Назрановскую, Пседахскую, Сунженскую и Экажево-Сурхахинскую [Дидигова 2005: 499]. Территория Ингушетии, как и прежде, была разделена на две половины чересполосно с казачьими станицами, образованными еще в середине XIX в. на землях ингушей.

В марте 1918 г. в Пятигорске на 2-м Терском областном народном съезде была провозглашена Терская Советская Республика [Коренев 1967: 142]. В мае 1918 г. Совнарком Терской Советской Республики принял решение о выселении казаков из станиц Сун-

женской линии и о передаче «освободившихся» земель ингушам. А в августе большевики организовали выселение жителей станиц Аки-Юртовской, Сунженской, Тарской и Тарских хуторов. Главным вдохновителем и инициатором этой акции были Серго Орджоникидзе и нарком внутренних Яков Фигатнер. Жители станицы Сунженская, Аки-Юртовская, Тарская (с хутором Тарским) были выселены в Пятигорский отдел [Фокин 2011]. С приходом Деникина в Терскую область в 1919 г. эти станицы, по постановлению Войскового правительства от 1 марта 1919 г., были вселены обратно. Войсковой круг постановил сейчас же принять меры к восстановлению вышеуказанных станиц (хотя 3 марта этот шаг был скорректирован решением круга «не трогать казаков-беженцев, которые уже устроились во Владикавказе и станицах», а остальных наделить землей в других казачьих районах области) [Ратгаузер 1928: 132]. С восстановлением советской власти весной 1920 г. эти станицы вторично были выселены [Фокин 2011]. В результате чего ингушам были возвращены земли, с которых они были выселены в середине XIX в. Это станицы были расположены «в сердце Ингушетии, разъединяя собой горную и плоскостную Ингушетию» [Бутаев 1923: 30].

В мае 1920 г. на совещании казаков в Пятигорске (оно собралось вместо несостоявшегося казачьего съезда) Орджоникидзе на жалобы казаков о грабежах их чеченцами и ингушами ответил: для урегулирования взаимоотношений русского населения с горцами необходимо устранить чересполосицу путем переселения всех станиц, территориально прилегающих к горскому населению [Жупикова 2015].

В декабре 1920 г. казачий отдел ВЦИК обратился в Президиум ВЦИК с просьбой приостановить выселение терского казачества. Одновременно казачий отдел счел необходимым создать межведомственную комиссию для посылки в Терскую область и решения назревших вопросов. 27 января 1921 г. на заседании Президиума ВЦИК слушался доклад комиссии по вопросу о выселении казачьего населения из пределов Горской Республики. Заслушав доклад, Президиум ВЦИК постановил:

1. Немедленно приостановить выселение казаков из пределов Горской Республики.

2. Составить комиссию из представителей сторон поровну от каждой — 5 человек, под председательством В.И. Невского, которому поручить в 2-месячный срок изучить на месте вопрос о наделении безземельных горцев за счет многоземельных казаков и представить в Президиум доклад о размерах земельной нужды горцев, формах уплотнения или выселения, о количестве подлежащих выселению казачьих станиц, если выселение будет неизбежным [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 518 Л. 14].

Комиссией была проведена большая работа. В указанный срок, она справилась с возложенным на нее заданием и доложила результаты проверки:

1. Земельный фонд Горской Республики так велик, что им можно удовлетворить не только нынешних жителей, но и приехавших переселенцев из России.

2. Для наделения безземельных и малоземельных горцев необходимо произвести уравнительное землепользование.

3. Для уничтожения чересполосицы, которая создана расположением казачьих станиц, поселить горцев рядом с казаками.

4. Для прекращения грабежей и создания условий мирной жизни необходимо начать немедленное, но и постепенное разоружение горцев.

5. Для борьбы с грабежами организовать смешанные отряды милиции из горской и казацкой бедноты.

6. Обязать круговой порукой за грабежи аулы и станицы и неуклонно налагать репрессии на те из них, которые укрывают грабителей. <...>

9. Усилить политическую работу в аулах.

10. Выселение казаков приостановить [АК-Б НИИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 24].

Несмотря на вышеуказанные решения, земельный вопрос не удалось решить без ущерба для казачьего населения, безусловно, владевшего большим количеством удобной земли, нежели коренное население. Размеры излишков земли у казаков Сунженского отдела позволяли наделить ею горцев по уравнительному принципу. Руководители Терской области (а затем и Горской Республики) мягко говоря, совершили ошибку, выселив часть казачества, и создали сложную проблему. Выселенные казаки сами оказались в крайне тяжелом положении. Не менее сложной оказалась ситуация и для горцев-переселенцев, не имевших в достаточном количестве инвентаря и зерна для посевов. В результате эти земли некоторое время были исключены из производственного цикла [Фокин 2011].

Ситуация с обработкой земли оказалась в различных округах неравноценной. Так, переселенцы-ингуши начали возделывать пшеничные культуры и покрыли дефицит зернохлебов (кукурузы) в Ингушетии. Чеченцы не успели развить своего хозяйства на заселенных ими землях в виду разных социально-экономических и политических причин [Козлов 2011: 437].

Земельный вопрос стал одним из важнейших рычагов, с помощью которого политические лидеры завоевывали свой авторитет на местах. Выселение трех казачьих станиц из Ингушетии весной 1920 г. (Аки-юртовской, Тарской и Сунженской) и предоставление освободившегося земельного фонда в пользование горской бедноте Ингушетии вызвало революционное аграрное движение, которое выразилось в стихийном переселении безземельной бедноты из нагорного района. Эта мера произвела колоссальное впечатление на горцев и сделала Ингушетию верной опорой советской власти [Козлов 2011: 438]. В ходе Гражданской войны на Северном Кавказе шел процесс поиска и утверждения новых форм государственного устройства. Он являлся одним из важнейших составляющих регионального военно-политического противостояния. Сложности в процессе формирования власти в регионе были продиктованы также отсутствием у красных и белых планов государственного строительства и их слабым влиянием на Северном Кавказе [Суханова 2004: 180].

После окончания Гражданской войны на Северном Кавказе шла активная работа по государственному строительству. Создание национальной государственности в областях Северного Кавказа, входивших в состав Терской области, осложнялись рядом причин: «Колониальное прошлое, экономическая, политическая и культурная отсталость населения, недостаток кадров национальной интеллигенции, малочисленность национальных рабочих кадров, слабость парторганизаций и т.п.» исключали возможность создания для них сразу после окончания Гражданской войны национальной государственности в виде отдельной автономии. Советская власть, на местах руководствуясь гибкой ленинской тактикой в национальной политике, сумела найти нужную форму национально-государственной автономии для горцев, в рамках которой они получили возможность для дальнейшего политического, экономического и культурного развития [Очерки 1972: 86].

17 ноября 1920 г. на съезде народов Терской области была провозглашена автономия Горской Советской Социалистической Республики, в состав которой вошла Ингушетия под названием Ингушского (Назрановского) округа [Очерки 1972: 86].

Декретом ВЦИК (20 января 1921 г.) на территории бывшей Терской и части Кубанской области была образована Горская АССР в составе РСФСР. В состав Горской АССР входили округа: Балкарский, Дигорский (1921–1922), Ингушский, Кабардинский, Карачаевский, Осетинский, Сунженский, Чеченский.

Земельный вопрос оставался одним из самых актуальных, в связи с чем и был поставлен на заседании делегации съезда народов Терской области. После обсуждения вышеуказанного вопроса делегаты съезда постановили: «Ввиду перенаселения территории Горской Советской Республики, Горская делегация просит Центральный исполнительный комитет вынести постановление о выселении всех станиц Сунженского отдела для наделения безземельных горцев их землями. Общее переселение должно быть закончено не позже 10 апреля 1921 г. Станицы же: Ассиновская, Нестеровская, Петропавловская, Гельвинская, Карабулакская, Архонская, Ардонская, Змейская, Николаевская и Александров-

кая должны быть выселены не позже 1 мая 1921 г. [ЦГА РСО-А. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 1. Л. 16].

Президиум ВЦИК от 14 апреля 1921 г. принял постановление, в котором говорилось: «Земельную нужду горцев удовлетворить путем уплотнения казачьих станиц Горской Республики в порядке соглашения между казачьими исполкомами и исполкомами горцев (ингушей и чеченцев), обязав при этом горские исполкомы произвести правильное распределение среди горской бедноты земель как уплотненных, так и уже выселенных казаков». Выселение части казачества и наделение землей малоземельных и безземельных горцев осуществилось [Фокин 2011].

В марте 1923 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет принял Декрет «О внесении поправок в земельный кодекс Р.С.Ф.С.Р». В положении № 42 Земельного кодекса говорится, что право частной собственности на землю, недра, воду, леса в пределах РСФСР отменено навсегда. Все земли в пределах РСФСР, в чьем бы ведении они ни находились, составляют собственность рабоче-крестьянского государства. Однако в 6-м пункте закона имеется Примечание: «При установлении очередностей наделения землей различных землепользователей, при прочих равных экономических условиях устраиваемых групп населения, в первую очередь наделяется туземное трудовое население» [Земельный кодекс 1923: 1–2]. В официальных документах рассматриваемого периода прослеживается дискриминационная политика власти в отношении казачьего населения, несмотря на его заслуги дореволюционного периода. Население выселенных станиц Тарской с хутором, Сунженской, Аки-Юртовской (Воронцово-Дашковская), Карабулакской, Михайловской, Самашкинской и Фельдмаршальской составляло 19 994 чел. Казакам давались голые участки, без жилищ и инвентаря. Часть людей вынуждены были побираться, чтобы не умереть с голоду [Фокин 2011].

Начиная с 1922 г. административно-территориальное строительство в Ингушетии шло по пути укрупнения административных единиц и экономического районирования. Волость становилась переходной ступенью к новой административно-хозяйственной единице — району. Так, на 16 октября 1922 г.

в округе значились следующие волости: Ахки-Юртовская (бывшая Сунженская), Ассиновская, Ачалукская, Кескемская (бывшая Экажево-Сурхахинская). Граничная и Горная волости были ликвидированы, а их населенные пункты переданы в Ассиновскую волость. Упразднена была и Базоркинская волость, населенные пункты которой передавались в Ачалукскую и Ахки-Юртовскую волости. По Постановлению Президиума ЦИК Горской АССР от 12 мая 1923 г. Назрановский округ был разделен на три района: Галашкинский, Назрановский, Пседахский [Дидигова 2005: 499].

Пребывание Ингушетии в составе ГАССР оттянуло решение вопросов землеустройства и административного деления. В подвешенном состоянии оставался вопрос об урегулировании принадлежности земель и пограничных претензий. Только выделение в автономную область могло подтолкнуть решение накопившихся проблем. Возможная ликвидация ГАССР и разделение Ингушетии и Северной Осетии привели к созданию комиссии по разделу Горской Республики между новыми областями. Протокол № 1 от 7 марта 1923 г. заседания данной комиссии зафиксировал установление границы между Владикавказским и Назрановским округами в нижней ее части, «начиная от границы Грузинской Республики до земель Реданстского района по руслу р. Терек.

9 марта обсуждался вопрос о принадлежности Редантского района, где в пользовании ингушского населения «числом 456 душ находилось 879 десятин земли». 5 июня 1923 г. Президиум ЦИК ГАРССР после доклада представителя Наркомзема Плахова постановил: «Представленный Наркомземом проект, устанавливающий границы между Владикавказским и Назрановским округами утвердить». Однако вскоре, уже 29 июня, Президиум ЦИК принял решение: «Считать утвержденные границы между округами временными, как в административном отношении, так и в отношении землепользования» [Кокорхоева 2002: 51].

Постановлением Президиума ЦИК ГАССР 12 мая 1923 г. был образован Назрановский район. Центр — с. Назрань. В состав района входили: Назрань, Насыр-Корт, Альтиево, Гамурзиево, Экажево, Сурхахи, Плиево, Яндырка, Базоркина, Кантышево, Далакова, Барсуки. Перечисленные населенные пункты явля-

лись и центрами одноименных сельсоветов. Административное устройство постоянно менялось. Так, постановлением Назрановского окрисполкома 5 июня 1923 г. Назрановский совет был объединен с Альтиевским. 15 июля 1923 г. Базоркинский сельсовет был передан во Владикавказский район. Постановлением Назрановского окрисполкома 30 декабря 1923 г. был образован Чернореченский сельсовет [Дидигова 2005: 502].

Самым болезненным вопросом Горской Республики со дня основания был земельный. Руководство Горской Республики настаивало при реализации земельной политики в регионе руководствоваться уравнильным принципом. Такой подход не устраивал руководителей отдельных округов [Эльбуздукаева 2011: 222].

Терская область административным путем (без учета интересов населения) была разделена на новые национально-государственные образования. Горская Автономная Республика с точки зрения государственного строительства, экономических связей населяющих ее народов не представляла собой целостную, исторически сложившуюся административно-территориальную единицу.

Как следствие Горская Республика в таком виде не просуществовала и года. Среди народов Республики развернулось движение за образование собственной государственности в соответствии с Конституцией РСФСР, узаконившей право народов на самоопределение» [Кокорхоева 2002: 46–47].

Первым поставил вопрос о выходе из Горской Республики Кабардинский округ (1 сентября 1921 г.), затем Карачаевский (12 января 1922 г.), Чеченский (30 ноября 1922 г.), Балкарский (16 января 1922 г.) округа, преобразованные в автономные области РСФСР.

После выхода вышеуказанных областей из состава Горской АССР в ней остались Владикавказский, Ингушский и Сунженский округ и Владикавказ. Ситуация с Горской Республикой волновала руководство края, так как от ее решения зависело будущее области. Глава Северокавказского краевого комитета партии А.И. Микоян констатировал ситуацию в регионе следующим образом и докладывал об этом в Москву.

Созданная в 1920 году Горреспублика за эти 3 года потеряла 2/3 своего первоначального состава путем выделения трех автономных областей<...> Нынешняя Горреспублика объединяет немножко больше 300 000 населения (почти равное количеству населения Чечни), в том числе осетины, ингуши и русские. При таких условиях либо Горреспублика должна быть разбита на две автономные области — ингушскую и осетинскую, и должна наравне с другими автономными областями войти в состав Юго-Восточного края, либо как республика войдет в состав края на особых условиях, предусматривающих автономию ее в ряде вопросов, если и это будет нецелесообразно, то Горреспублика, так же как и Дагестан, не будучи в составе края, не помешает районированию его (цит. по: [Карпов 2012: 313]).

При обсуждении вопроса о судьбе Горской Республики возникло много трений и разногласий. Были как сторонники сохранения целостности республики, так и противники. С. Орджоникидзе констатировал:

Мне кажется, что поскольку в основном достигнуто взаимное понимание, разногласий нет <...> за исключением т. Мальсагова, заявление которого о желании якобы разделить Горреспублику в корне неправильно, надо считать, что проект возражений не встречает <...> В проекте сказано о том, чтобы национальные комиссариаты передать националам, город сделать столицей этих националов, республики не уничтожать, но вместо той республики, которая есть, создать республику двух автономий. <...> Мы же тут думаем создать союз автономных областей. <...> Попытки <...> могут послужить в будущем ядром федерации горских народов на Северном Кавказе. Лично я до сих пор в этом отношении являюсь неисправимым человеком — не представляю себе возможности управлять горцами Северного Кавказа без какого-либо объединяющего их органа. Пойдет ли по этой ли-

нии развитие или придется массу коррективов внести, это другой вопрос (цит. по: [Карпов 2012: 314]).

Проект реорганизации Горской Республики, предложенный Комиссией ЦК, при голосовании членов обкома, кандидатов и контрольной комиссии был принят единогласно при одном против.

Декретом ВЦИК от 7 июля 1924 г. ГАССР была упразднена и на ее территории созданы Северо-Осетинская и Ингушская АО и Сунженский казачий округ [Тархов 2001: 31]. Центром был назначен город Владикавказ (с 1931 г. — Орджоникидзе), который не входил в состав области, имел статус автономного города и являлся центром Ингушской и Северо-Осетинской автономных областей.

Вопрос о назначении Владикавказа столицей двух автономий вызвал оживленные споры и дискуссии. Аргументы были у каждой стороны достаточно объективные и весомые. Заслуживает особого внимания выступление С.А. Такоева² относительно вопроса об автономии:

Считаю абсолютно необходимым автономию, как для Осетии, так и для Ингушетии — для того, чтобы могли провести в полной мере национальную политику среди каждой из этих народностей. Но тут вклинивается и город Владикавказ. Я выскажу свое личное мнение и буду говорить прямо. Я откровенно скажу, что постановлением комиссии ЦК недоволен. Оно таково, что породит в будущем еще больше недоразумения. Постановление ЦК в будущем создаст то, что и осетины все свое внимание сосредоточат на одном городе

² Такоев С.А. (1876–1938) — политический деятель. С 1918 г. — член Владикавказского комитета РКП(б), зам. Председателя ревкома Терской области, председатель Терского областного комитета РКП(б). С 1924 по 1927 гг. — первый секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б). С. 1930 по 1937 гг. работал заместителем начальника Отдела национальностей ЦИК СССР. Председатель съезда Народного Совета Терской республики, председатель Совнаркома Горской Республики. Репрессирован.

Владикавказе, а среди своих народностей не будут проводить ни работы, ни национальной политики. Поэтому мое глубокое убеждение, что этот город надо выделить в особый вольный город, с непосредственным подчинением его центру.

Осетинская автономная область должна существовать как таковая. Ингушская автономная область — то же самое. Что касается резиденции, то она должна быть в городе Владикавказе. Нужно сделать так, чтобы город Владикавказ был вольным городом, он не должен вклиниваться ни между Осетинской, ни между Ингушской областями. Если мы, товарищи, встанем перед лицом беспартийной массы и Осетии, и Ингушетии, то должны провести постановление той комиссии ЦК. Осетины и ингуши области должны выделиться в самостоятельные области. Вы, товарищи, очевидно, хотите друг друга перехитрить. Бросьте вы это, товарищи, не держитесь из-за города Владикавказа. Предоставьте его непосредственно подчинение центру. Я заверяю вас, что если у вас будет проходить сейчас то постановление, которое вынесла здесь комиссия ЦК, то вы потерпите еще больше осложнений и затруднений. Я совершенно понимаю товарища Тогузова, который составил проект конституции. Прав он, что если вы останетесь при своем решении, то у вас будет еще больше недоразумений, с которыми вы не в состоянии будете справиться. Ни для кого не секрет, что мы должны остерегаться великодержавного русского шовинизма, который так допекал нас в прошлом и от которого мы еще не совсем освободились. Но в то же время не забывайте, товарищи, что местный национальный шовинизм мы не должны создавать. В части того, какой доход приносит город Владикавказ. Я спрашивал, товарищи, укажете ли вы мне хотя бы один город, который приносил бы доход. Я считаю самым благополучным в этом отношении городом Тифлис, и то он требует каждый месяц дотации. Если весь доход города Владикавказа вы будите делить между округами, то естественно, что самому Владикавказу едва ли останется хоть какая-нибудь частица и этот город будет постепенно разрушаться и опускаться. Бросьте

эти затеи, товарищи. Мы боремся с шовинизмом русским, но должны также бороться и с шовинизмом местных национальностей [ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–1 об.].

С.А. Такоев как дальновидный политик предвидел судьбу Владикавказа, который спустя много лет станет «яблоком раздора» между ингушами и осетинами. Возможно, административное устройство было бы совсем другим, если были бы учтены предложения Такоева и других противников выделения города Владикавказа центром двух АО.

Местная власть пыталась удовлетворить потребности общества.

Намерения были благими и в целом predeterminedены объективными нуждами (или тем, как оные казались из центра). Каждой «нации» намеревались дать (и частично дали) по городу-столице. Так появился г. Микоян-Шахар (нынешний г. Карачаевск), ст. Баталпаинская стала г. Черкесском (взамен несостоявшейся новой столицы Черкесии Эркен-Шахара), Майкоп превратился в столицу Адыгеи, для чего были произведены территориальные изменения в Краснодарском крае. В этом же направлении стремились развести народы, соединенные в рамках Горской Республики. Для осетин сделать столицей с. Ардон, для ингушей — с. Назрань. Последние намерения не увенчались успехом, так как чиновники соответствующих национально-административных образований запротестовали, не пожелав покинуть большой город Владикавказ. <...>

Если это так будет, — заявлял на пленуме Гороблпарткома тов. Авсарагов, — то мне рисуется такая картина: одной ногой мы будем в культурном центре — городе Владикавказе, а другой ногой в Назрани, одной ногой во Владикавказе, а другой ногой в Ардоне. Что у нас тогда получится? Мы сделаем и осетин, и ингушей калеками в культурном плане (цит. по: [Карпов 2012: 345]).

В 1920-е годы была осуществлена первая советская реформа по укрупнению единиц административно-территориального деления. Ее суть состояла в полной замене старых небольших губерний на огромные советские области, которые соответствовали выделенным Госпланом экономическим районам. При этом упразднялись как губернии, так и уезды с волостями, которые к тому времени продолжали существовать. Новые области вместо уездов разделялись на более крупные ячейки — округа, а последние делились вместо волостей на более крупные ячейки — районы. Низшим звеном стали сельсоветы. В 1924 г. был образован объединенный Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону, включавший Донскую и Кубанскую области, Ставропольскую и Терскую губернии, Дагестанскую Республику, Ингушскую, Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую, Северо-Осетинскую, Чеченскую автономные области. Ставропольская и Терская губернии были преобразованы в округа [Краткая справка об административно-территориальных изменениях Ставропольского края за 1920–1992 гг.].

Ингушская автономная область (1924–1934 гг.)

В русле указанных преобразований 7 ноября 1924 г. из Горской АССР выделилась Ингушская автономная область (рис. 3). В учредительном документе говорилось:

В согласии с волеизъявлением народностей, населяющих Автономную Горскую Советскую Социалистическую Республику, а также в целях наиболее широкого вовлечения трудящихся масс этой Республики в дела советского государственного управления Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, в отмену своего декрета от 20 января 1921 года о Горской Автономной ССР (собр. УК № 6, ст. 41), постановляет:

Автономную Горскую Советскую Социалистическую Республику упразднить, расчленив ее по национальному признаку на две автономные области — Северную Осетию и Ингуше-

тию, на автономную административную единицу — Сунженский округ и выделив город Владикавказ в самостоятельную административную единицу.

Автономные области Северная Осетия и Ингушетия входят в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и имеют свой административный центр в городе Владикавказе.

Вся полнота власти в автономных областях Северной Осетии и Ингушетии принадлежит Областным Съездам Советов и избираемым последними Исполнительным Комитетами, действующим на правах Губернских Исполнительных Комитетов.

Примечание первое: Временно, до созыва первых Съездов Советов автономных областей Северной Осетии и Ингушетии, вся полнота власти в этих областях принадлежит соответствующим революционным комитетам, ближайшей задачей которых является созыв первых Съездов Советов автономных областей Северной Осетии и Ингушетии.

Примечание второе: Состав революционных комитетов утверждается Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Сунженский Округ, как автономная административная единица, состоит в непосредственном подчинении Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и управляется Съездом Советов и избираемым им Исполнительным комитетом, действующим на правах Губернского Исполнительного Комитета.

Примечание: Бюджет и штаты Сунженского Округа устанавливаются применительно к уездным.

Город Владикавказ является самостоятельной административной единицей, подчиненной непосредственно Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету, и управляется Горсоветом и городским исполнительным комитетом, действующим на правах Губернского Исполнительного Комитета.

Установление границ автономных областей Северной Осетии и Ингушетии, Сунженского Округа и города Владикавказ и их административного деления, передача аппаратов управления, а также разрешение всех споров, возникающих из распределения учреждений и предприятий бывшей Автономной Горской Советской Социалистической Республики между автономными областями Северной Осетии и Ингушетии, Сунженским Округом и г. Владикавказом, производится Особой Смешанной Комиссией под председательством Члена ВЦИК, назначаемого Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Постановления Смешанной Комиссии утверждаются Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Указанной в предшествующей статье Смешанной комиссии закончить работу в месячный срок [ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 2. Л. 103–104].

При образовании Ингушской и других автономных областей перед ВЦИК стал вопрос о их границах. А новые административные единицы с момента их образования начали предъявлять друг другу претензии относительно границ. Все границы Ингушетии, как, впрочем, и других субъектов, вызывали ожесточенные споры.

Для объективного решения вопросов, связанных с границами новых государственных образований, были привлечены специалисты с большим опытом работы, но ни одна комиссия не могла удовлетворить интересы каждой из сторон. Вопросы не терпели отлагательства, в связи с чем для окончательного и бесповоротного решения во Владикавказ была направлена комиссия Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета под председательством Ш.З. Элиава — Председателя Совета народных комиссаров Грузинской ССР. Ее решения признавались окончательными и не подлежащими изменению.

На рассмотрение этой комиссии был представлен проект установления постоянных границ между Ингушской автономной областью и землями города Владикавказа, а также объяснительная записка к нему, подготовленная ингушской стороной, следующего содержания:

Рис. 3. Карта Ингушской автономной области

По вопросу об установлении границ с землями города Владикавказа Ингушетия, требуя возврата ей городом 1200 десятин, предоставленных городу Владикавказу в 1920/21 году во временное пользование, что было вызвано временными причинами, и прося у города уступки ничтожной и по размерам и по значению площади городских земель по смежеству с участком Сараджевского завода (площадь выгонных земель около 90 десятин), Ингушетия предлагает утвердить границы между нею и городом Владикавказом в следующем виде: **Проект границ:** Начиная от юго-западного угла до революционных границ городских земель около речки Черный Архон, граница идет на восток до реки Терека южными городскими граничными (дореволюционного времени) линиями по смежеству с ингушскими землями Редантского района (бывшие частновладельческие участки: П-2, Д-2 и У-1). С левого берега реки Терек от северо-восточного граничного угла бывшего частновладельческого участка сада Уланова, по плану У-1, граница с городом проводится в северо-восточном направлении руслом реки Терек с протяжением около 400 саж. до устья глубокой балки, впадающей в Терек с правой стороны, отсюда граница идет до глубокой (с каменным мостом) балки на восток, до опушки леса и далее в юго-восточном направлении к внешней границе города, до ближайшего угла этой границы, чем отрезается в пользу Ингушетии около 90 десятин ничтожного сельхоз значения выгонных земель, около 60 десятин лесной поросли.

Далее граница идет первоначально в северо-восточном направлении, а затем в северном направлении по старой дореволюционной границе с землями города, до тр. (территориального) пункта «Скачечный» (Курган Джаг-Али), отсюда, возвращая Ингушетии 1200 десятин, часть бывшего Тарского дополнительного надела (по плану Т-2), граница Ингушской Области с городскими землями идет в северо-западном направлении, северо-восточной дореволюционной границей земель города до юго-западного граничного угла указанного Тарского дополнительного надела Т-2 и далее на север, западной граничной линией того же дополнительного Тарского

надела до юго-восточного угла надела немецкой колонии (Михайловской), где смежество с городом заканчивается, и далее на север начинается смежество с Осетией первоначально до северо-западного угла бывшего дополнительного надела ст. Тарской, а затем прямой линией в том же направлении до северо-западного угла участка Газдановского (Г-1), где граница Ингушетии поворачивает на восток, дойдя до реки Камбилеевки южной границей надела Ольгинского (Осетия), а северными границами частновладельческих участков Газдановского, Итальянского, а затем северо-западной границей участка Бушека, где и примыкает к реке Камбилеевке.

Данный проект, составленный 29 августа 1924 года, подписали председатель Ингушского облревкома Иналук Мальсагов и член этого же ревкома Идрис Зязиков» [ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 139. Л. 172].

Комиссии Ш. 3. Элиава всеми заинтересованными сторонами были представлены предложения по территориальному разделению Горской Республики. При чем комиссией было поставлено условие найти самый оптимальный вариант и представить подписанный всеми согласительный акт. Первым, 24 декабря 1924 г., поступил на обсуждение комиссии нижеприводимый согласительный акт, непосредственно связанный с территорией города Владикавказа:

Мы, нижеподписавшиеся Представители Владикавказского Окружного Исполнительного Комитета Зам. предокрисполкома т. Джелиев и члены Президиума того же Исполкома Д. Шилин, Представители Ингушского Областного Революционного Комитета Предингобл ревкома И. Мальсагов и член того же Ревкома И. Зязиков, Представители Северо-Осетинского Революционного Комитета Зам. пред. Облревкома К. Тогузов, член того же Ревкома П. Таболов, пришли к следующему добровольному соглашению:

1. Город Владикавказ из оспариваемых площадей Осетией уступает последней из б. Гизельского надела западную часть,

отсекаемую прямой линией № 24 пункта окружной межи 1914 года на пункт № 29 той же межи площадью примерно 170 десятин или сколько в натуре окажется.

2. Осетии отходит полностью из старых городских земель участок, называемый городской «клин», площадью 117 десятин.

3. Осетии же переходит до 11 десятин городской земли на левом берегу р. Терека, граничащей с юга линией садов и с запада дорогой в с. Ногир.

4. Осетия отказывается от своих претензий на сады северной группы, а город в свою очередь отказывается от южной группы садов, т.е. быв. Уланова, Мамацева и др.

5. На восточном выгоне границы оспариваемого участка бывшего Тарского надела устанавливаются следующие: От северо-восточного угла садов северной группы прямо под румбом северной границы садов до восточной обочины Ольгинской дороги, отсюда прямой линией в юго-восточном направлении в точке пересечения левого берега балки «Дах-Су» с границей города, идущей со Скачачного кургана под румбом Ю.В.714. Вся отграничиваемая площадь, указанная в пункте 5, переходит в ведение и распоряжение Ингушетии.

6. На юге город уступает Ингушетии южную часть восточного выгона площадью до 270 десятин или сколько в натуре окажется, отграничиваемую глубокой балкой с мостом, идущим из горлеса, и далее на восток по ущелью или хребту точки № 11 окружной границы города по плану 1914 года.

7. В пользу города из Редантского района отводится северная часть участка бывшего Тускаевского участка площадью 150 десятин [ГАРО. Ф-Р-1485/ Оп. 1. Д. 139. Л. 172].

Решение проблемы, связанной с разграничением территории Владикавказа, снимало только один вопрос, нерешенными оставались пограничные споры с другими субъектами, с которыми граничила Ингушская АО, о них пойдет речь в нижеприводимом документе. Ввиду сложности и запутанности рассматриваемой

темы текст документа будет приведен полностью в соответствии с оригиналом.

(Л. 177) Постановлением Президиума ВЦИК в конце октября текущего года в комиссию под моим председательством, в составе тов. Фомина (член ЦИК СССР) и тов. Толмачева (Зампредседатель крайисполкома Северо-Кавказа) было возложено определение границ между четырьмя новыми административными образованиями бывшей Горской Республики (Владикавказский округ, Сунженский округ, автономная область Осетии и автономная область Ингушетии). Комиссия приступила к работе 23 декабря текущего года в г. Владикавказе. Наша комиссия располагала материалами, представленными исполнительными органами новых образований в комиссию члена ЦИК СССР тов. Извекова. Нам надлежало определить:

1) административные границы между Владикавказским округом, включающим в себя г. Владикавказ, и прилегающие к нему слободки, с одной стороны, и автономными областями Осетии и Ингушетии с другой стороны;

2) границы между автономной областью Ингушетии и Сунженским округом;

3) границы между автономными областями Осетии и Ингушетии.

Границы между Владикавказским округом (городским) с одной стороны и Осетией и Ингушетией с другой

(Л. 178) Вопрос о границах между Владикавказским округом и автономными областями Осетии и Ингушетии занял в работах комиссии небольшое место. Владикавказский округ очень быстро пришел к соглашению, как с Осетией, так и с Ингушетией, границы Владикавказского округа (географического центра бывшей Горской Республики) были определены нами на основе согласительного акта, подписанного всеми заинтересованными сторонами и внесенного в комиссию. В начале обсуждения этого вопроса имело место незначительное препирательство сторон, быстро, однако, пошедших на вза-

имные уступки. В картах, взятых т. Фоминым для представления в Президиум, точно обозначены границы Владикавказского округа со смежными автономными областями Осетии и Ингушетии, и на картах имеются подписи представителей сторон, скрепленные подписями членов комиссии.

Границы между Сунженским округом и Ингушетией

Вопрос об административных границах между автономной областью Ингушетии и Сунженским округом не удалось рассмотреть в заседании комиссии, так как на заседание комиссии не могли прибыть своевременно представители Сунженского округа. По невыясненным нами причинам две телеграммы, отправленные мною из Владикавказа в ст. Слепцовскую, адресатам доставлены не были. Я же вынужден был 25-го вечером выехать из Владикавказа и успел лишь переговорить в присутствии оставшихся во Владикавказе членов комиссии т. Фомина и Толмачева с только что приехавшими представителями Сунженского округа. В этой беседе выяснилось, что между Сунженским округом и автономной областью Ингушетии существует, если не по всем без исключения вопросам пограничного характера, то по основным из них, соглашение, о чем заявили нам до приезда представителей Сунжи представители автономной области Ингушетии.

Оставшиеся во Владикавказе члены комиссии

(178 об.) т. Фомин и т. Толмачев уже без меня должны были окончательно установить границы Сунженского округа по смежеству с автономной областью Ингушетии. Сообщение из Владикавказа от оставшихся товарищей о неудаче я не имею. Надо полагать, что между Сунженским округом и автономной областью Ингушетии достигнуто полное соглашение.

Границы между Ингушетией и Осетией

Наиболее тяжелым для разрешения оказался вопрос об установлении административных границ между автономными областями Осетии и Ингушетии. Двухдневные старания комиссии добиться между спорящими сторонами соглашения, хотя бы частичного, и представление в комиссию

согласительного акта остались безрезультатными. Мы подробно ознакомились как с письменными заявлениями сторон, представленными в свое время в комиссию т. Извекова, так и с дополнительными письменными заявлениями, внесенными в нашу комиссию. Вместе с тем на трех заседаниях комиссии мы выслушали очень пространные объяснения сторон. Изучив письменный материал и выслушав устные заявления сторон, комиссия вынесла следующее общее впечатление:

в основе спора между Ингушетией и Осетией лежит глубокое недоверие друг к другу двух смежных народностей. Недоверие это вытекает из взаимоотношений ингушей и осетин, начиная с эпохи господства на берегах Терека царского самодержавия, исключительно обостренных в эпоху революции и гражданской войны. Несмотря на внешнюю близость руководящих работников Ингушетии и Осетии друг к другу, в каждой строчке представленных ими письменных документов, как и в каждой фразе устных заявлений, чувствуется сильная неприязнь друг к другу;

в своих спорах о границе руководящие

(Л. 179) работники Ингушетии и Осетии исходят не из соображения простого административного размежевания своих областей, удобства администрирования и советского строительства, а рассматривают свою тяжбу как тяжбу о политических границах между своими народами. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки этих товарищей на исторические документы и памятники прошлого;

3) при всей ясности решений комиссии, а также Президиума ВЦИК, эти натянутые отношения между соседними народами ликвидированы не будут и впереди неизбежны новые трения и новое обострение отношений, если, конечно, их предотвращению не будут приняты решительные, радикальные меры с самого же начала, ибо комиссия пришла к глубочайшему убеждению, что при отсутствии какого бы то ни было соглашения между сторонами нельзя вынести решение, могущее удовлетворить обе стороны. Необходимо было вынести решение, целиком отвергающее претензии одной стороны,

а это открывает широкие возможности новых трений, если, конечно, не будут приняты меры к их предотвращению. При внимательном изучении взаимных претензий осетин и ингушей комиссия убедилась, что территориальный спор между Осетией и Ингушетией в основном экономического значения не имеет и при кажущейся экономической важности спорных участков, в общем не превышающих несколько сот десятин, политический момент в споре господствовал над всеми другими мотивами. Комиссия легко разрешила вопрос о небольших участках пахотной земли к северу от Владикавказа, в районе селения Ольгинское. Основной и жесткий спор между сторонами возник вокруг района, расположенного к югу от Владикавказа с Редантского района до границы бывшей Горской Республики с ССР Грузии. Расположенный на левом берегу реки Терек спорный район в эпоху самодержавия был включен в административные границы Владикавказского округа, населенного по преимуществу осетинами. Во время гражданской войны с 1918 года — район этот был театром военных действий, в которых главными действующими сторонами были добровольческая армия Деникина и революционные повстанцы Ингушетии. С момента организации Горской Республики по 1922 год включительно спорный район был включен в административные границы бывшего Назрановского округа — ныне Ингушетии. Лишь после 1922 года Горским ЦИКом была установлена временная граница между Осетией и Ингушетией по течению реки Терека, с включением спорного района в административные границы Осетии — без Редантских хуторов и земель, которые Горским ЦИКом были оставлены в пределах Ингушетии, причем население хуторов Редантского района — сплошь ингушское. Ныне, когда пришла пора установить новые границы, осетины и ингуши предъявили друг другу взаимно исключающие претензии. Так, автономная область Осетии потребовала передачи ей всех земель начиная от границы с ССР Грузией по течению реки Терека со включением Редантских хуторов, находившихся донныне в пределах Ингушетии. Автономная же область Ингушетии предъявила

требования о передаче ей до сих пор находящихся в административных пределах Осетии земель к югу от Редантских хуторов до границы с Грузией, с селениями Балта, Чми и Ларс.

После продолжительной дискуссии представители автономной области Осетии сняли свои претензии на Редантский район, населенный ингушами, но продолжали упорно настаивать на включении в административные пределы Осетии селений Балта, Чми и Ларс, расположенных на левом берегу реки Терека со всеми землями, площадью до 8000 десятин, простирающимися до горного хребта, который отделяет населенные пункты Осетии (районы Саниба и Кобани) от спорного района, причем высота этого хребта

(Л. 180) в некоторых местах, не спускаясь ниже, превышает 8000 футов.

В населении спорного района, т.е. селений Балта, Чми и Ларс, ни осетины, ни ингуши большинства не имеют. В селении Балта самой многочисленной группой населения, превышающей в отдельности и ингушское и осетинское население, являются грузины. Такая же точно картина и в селении Ларс. Только в селении Чми, очень небольшом по численности населения, живут исключительно осетины. Из 8000 десятин земли, расположенной в спорном районе, лишь около 800 десятин пригодны для выгона и отчасти для покосов. Как утверждали обе стороны, этими выгонами и покосами обычно пользовались ингуши и осетины.

Дорог, связывающих указанные выше населенные пункты Осетии со спорными селениями, за исключением горных троп по ущельям, не круглый год открытых для движения, не имеется, что, конечно, исключает возможность непрерывного администрирования в спорных селениях со стороны высших органов власти Осетии. Между тем спорный район совершенно открыт со стороны правого берега реки Терека, населенного исключительно ингушами. От них к спорным селениям идут кратчайшие пути через Терек, что в значительной степени облегчает административное управление спорными селениями со стороны Ингушетии. В окончательных заявле-

ниях представители автономной области Ингушетии категорически настаивали на передаче Ингушетии селения Балта и условно — в зависимости от волеизъявления населения — селений Чми и Ларс, отказались от них. При такой постановке спорных вопросов со стороны представителей Осетии и Ингушетии комиссия должна была принять решение, максимально обеспечивающее в будущем как мирные отношения между спорящими сторонами, так и удобства управления и советского строительства в спорных областях и охрану спокойствия по части стратегической

(Л. 180 об.) Военно-Грузинской дороги, пролегающей по левому берегу реки Терека в спорном районе.

Как Вы усмотрите из кратких формулировок наших решений, комиссия не сочла возможным удовлетворить требование Осетии и не могла стать на путь, предлагаемый Ингушетией. Мы вынуждены были разрешить вопрос о передаче одной из спорящих сторон целиком всего района. Исходя же из создавшейся в эпоху гражданской войны исторической обстановки, из того неоспоримого соображения, что экономическое значение спорного района слишком ничтожно для обеих сторон, а также из соображений административно-технических, комиссия пришла к единодушному выводу о необходимости включения спорных районов в административные границы Ингушетии. Если принять во внимание еще нарочито подчеркиваемые представителями Ингушетии обвинения по адресу осетинских работников в их усиленной работе за последние два года по подготовке населения спорных селений против Ингушетии, а также большую активность ингушских масс по сравнению с осетинскими и большую частоту случаев бандитизма со стороны ингушей, комиссия не могла прийти к другим выводам, чем те, к которым она пришла.

Свое единодушное решение о включении спорного района в административные границы Ингушетии комиссия обусловила рядом конкретных предположений, осуществление которых должно способствовать предупреждению возможных осложнений в отношениях между Осетией и Ингушетией.

Важнейшим из этих конкретных предположений комиссия считает ассигнование Правительством РСФСР небольшой суммы денег на проведение колесных дорог протяжением в 12 и 9 верст из населенных пунктов Осетии к Военно-Грузинской дороге. Комиссия считает также очень важным организацию исполнительных органов в селениях спорного района с обязательным включением

(Л. 181) в эти исполнительные органы работников всех этих национальностей: осетин, ингушей и грузин. На решение комиссии представители Осетии заявили решительный протест.

Я считаю — в полном согласии с членами комиссии тов. Фоминым и тов. Толмачевым — целесообразным и необходимым заслушать в заседании Президиума ВЦИК, на котором будут обсуждаться наши решения, представителей осетин и ингушей, чтобы иметь возможность проверить наши решения путем получения непосредственных впечатлений. Непосредственные впечатления помогут Президиуму решить вопрос о возможности исправления решений комиссий и установления в спорном районе двоевластия и паритетной ответственности осетин и ингушей [ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 139].

Требовал своего решения и вопрос о границе между Ингушетией и Кабардой в Прикурпском районе.

Объектом спора служили бывшие частновладельческие участки общей площадью 19 806 десятин, расположенные на правом (восточном) берегу р. Курп, в углу, образуемом р. Курп и р. Терк, и входившие в дореволюционном прошлом в административные границы бывшего Нальчикского округа (Малой Кабарды).

Кабардинских хуторов не было, землями частновладельческих участков кабардинцы не пользовались [ЦГА РСФСР – А. Ф. Р.-45. Оп. Д. Д. 16. Л. 35–35 об.].

И далее:

(Л. 35). Селение Бековичи (Кизлярское) населено кумыками. Во время наступления добровольческой армии ингушские хутора были уничтожены. С установлением Советской власти Кабарда первоначально входила в ГАССР, когда же стал остро стоять вопрос о землепользовании, Кабарда поспешила выделиться в Автономную область — с временным установленным границ до дореволюционно-административной границы Нальчикского округа (Малой Кабарды), и таким образом, все бывшие частновладельческие участки площадью 19 806 дес. оказались в распоряжении Кабарды. Жители появившихся там кабардинских сел Исламова, Ахлова направляемые руководством Кабарды, оставляют свои многоземельные участки и запахивают земли «трудового пользования ингушских хуторов».

(Л. 35 об.). Постановлением ВЦИКа от 21 июля 1924 г. было принято постановление, разграничивающее землепользование, но 6 июня 1926 г. вопрос о границах снова обострился ввиду обнаруженных некоторых неясностей и неточностей в указании границ такого порядка: 1. а) Земли бесспорного, непрерывного, трудового пользования граждан Киевского хутора Сунженского автономного округа /Казачей/ замежовываются в пределы Кабарды; б) границы бывшего частновладельческого участка Б-33 одна 1000 десятин, находящегося до революции в распоряжении /собственности/ Терского казачьего войска, а в трудовом пользовании на праве аренды у Ингушских хуторов, описаны постановлением ВЦИКа, так что этот участок при описании восточной границы отходит к Ингушетии, а при описании западной к Кабарде; в) В части смежества участка 3–5 /Затрапезного/ в изложении постановления ВЦИКа расходится с окраской той же границы по карте границ; г) определение границы, делящий участок X-9 прямой линией, проходящей между двумя определенными точками /северной и южной/ пополам, не выполнимо, поскольку фигура участка не правильная, получается одна часть больше

другой; при этом имеется к этой границе и третье требование, чтобы при делении участка X-9 указанный прямой линией все водные источники отошли бы к Кабарде. Поскольку здесь открытых вод нет, а речь идет о родниках, и поскольку родники не зафиксированы в плане, они могут оказаться на той и на другой частях участка или даже только на Ингушской, что приводило бы постановление к разряду невыполнимых; д) определение границы к югу от горы Харбижин подводит ее очень близко к Ингушскому хутору Кусова, без какой-либо нужды в этом у кабардинцев. Командированная в мае 25-го года Комиссия Крайисполкома под представительством товарища Паре для изучения вышеуказанных неясностей и неточностей на месте выяснила и пришла к заключению о необходимости отодвижки к западу границы от ингушского хутора Кусова, и Президиум Крайисполкома 27 мая 1926 г. находит последнее изменение жизненно необходимым и утвердил границу в этой части согласно заключению Комиссии товарища Паре. 2. Постановлением ВЦИКа 24-го г. 21 июля Ингушский народ лишается доступа на водопой к реке Курп, передаются Кабарде участок А-69, на котором до революции был расположен хутор Ходова, населенный горцами ингушами, и в то время этот участок был соединен с рекой Курп прогоном для скота. Также обязательно по постановлению ВЦИКа должны отойти Кабарде водные источники участка X-9 и озера Шед на участке А-68; этим самым земли, остающиеся у Ингушетии по смежности, оказываются совершенно без воды. 3. Постановлением ВЦИКа отдаются Кабарде бывшие частновладельческие участки, находящиеся в трудовом пользовании Ингушского народа — горцев, из которых одни 15–20 лет оседло непрерывно сидели на арендованных, а частью и на купленных горцами через крестьянский банк землях, а еще большая часть горцев-пайщиков арендаторов /тысяча душ горцев/ приходили к хуторянам на время посева и уборки хлебов, зимую со скотом в горах. Все эти хутора сметены и разграблены белогвардейскими бандами в борьбе против Белых в 19-м году.

Все сказанное уже установлено всесторонним обследованием, изучением и опросом населения обеих сторон и посторонних лиц комиссией товарища Смирнова, в 1928-м году установившей, что на бывших частновладельческих участках на правом берегу Курпа — Кабарды землю никогда не пользовались и не обрабатывали и в ней не нуждались.

Такое постановление ВЦИК от 21 июля 1924 г. могло состояться только потому, что не были вызваны, не были оповещены представители Ингушетии [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 142. Д. 14. Л. 11–12].

Вопрос о спорных территориях был вынесен на заседание Большого президиума северокавказского краевого исполнительного комитета в мае 1926 г. Было вынесено постановление следующего содержания:

§ 1. Считать нецелесообразным изменение границ между Ингушской и Кабардино-Балкарской автономными областями, утвержденных ЦИКом в 1924 г., за исключением границы в районе хутора Куусова и с. Исламова.

§ 2. Считать необходимым изменить границу в районе селений Куусова и Исламова, поведя ее прямой линией от тригонометрического пункта на горе Харбиджан через граничный пункт тройной смежности, участков И-10, А-68 и Х-8 до пересечения с рекой Курп.

§ 3. Предложить Ингушскому Облисполкому запретить застройку присоединяемого п. 2 настоящего постановления участка.

§ 4. Настоящее постановление сообщить по телеграфу ВЦИКу с просьбой срочно утвердить таковое как окончательное.

§ 5. Предложить КрайЗУ немедленно по получению ответа от ВЦИКа провести границы в натуре, поручив Ингушскому и Кабардино-Балкарскому Облисполкомам обеспечить спокойную работу по проведению границ [ГАРО. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 374. Л. 11].

Все спорные вопросы пограничных земель в той или иной степени были урегулированы в 1926 г. Экономист Л.М. Тусиков при подготовке экономического очерка об Ингушетии совершил поездку по всей области и очень подробно описал территорию Ингушской АО. Он писал:

По своему географическому положению Ингушетия в настоящее время занимает земли, граничащие на Юге с главным хребтом Кавказских гор в соседстве с Грузией, на Севере с Кабардой и частью Сунженского Округа, на Востоке с Горной полосой Чечни и Сунженским округом и на западе с Осетией. С запада граница Ингушетии в смежности с Северо-Осетинской автономной областью идет на север по реке Тереку между селением Ларс и Дарьяльским мостом, находящимся на Военно-Грузинской дороге, затем граница поворачивает на Запад и идет по скалистому хребту Адай-хох и, дойдя до вершины горы Арац-хох, вновь поднимается на север, пройдя через гору Фет-хус (Балтинская), доходит до реки Черный Ардон; отсюда, идя по границе с землями города Владикавказ³, она направляется по так называемой Ольгинской дороге, доходит до реки Камбилеевки, где идет вниз по течению реки почти до селения Долаково, откуда вновь поворачивает на Север и прямой линией идет до пересечения с Кабардинским хребтом, все время гранича с Северо-Осетинской автономной областью. Дойдя до пересечения с Кабардинским хребтом, она идет по последнему до истоков реки Курп, направляясь вниз по течению ее на расстоянии десяти верст, и подымается на Север; здесь в семи верстах за Малгобекским хребтом поворачивает на северо-восток. С севера, гранича с Автономной Кабардинской областью, пограничная линия идет почти по Малгобекскому хребту до вершины горы Малгобек. Откуда поворачивает на восток и идет в юго-восточном направлении по смежности с Сунженским округом; не доходя пяти верст

³ М.Л. Тусиков рассматривал только внешние границы, без учета ингушских границ внутри города Владикавказа, о которых сказано выше.

до станции Ассинской, граничит с Чеченской автономной областью и идет до реки Фортанги. Отсюда подымается вверх по течению указанной реки на расстояние до десяти верст, затем переходит на правую сторону реки Фортанги, доходит до селения Верхний Датых и вновь по этой реке идет до границы Грузии. Здесь она идет по Скалистому хребту, пересекает верховья реки Ассы и доходит до граничного пункта по Западной границе. При этом нужно оговориться, что границы по смежности с Грузией не являются окончательными, так как Ингушетия претендует на прирезку тех земель, которые находятся ныне в районе реки Кистинки на территории Грузии, заявляя права свои на южный склон реки Кистинки как находящийся в пользовании Ингушетии [Тусиков 1926: 28].

Этот вопрос уже не первый год обсуждался, но окончательного решения не было вынесено. Ввиду этого Ингушский областной исполнительный комитет возбудил перед президиумом ВЦИК ходатайство об образовании комиссий для разрешения споров Грузии о пастбище в ущелье реки Кистинки. Президиум ВЦИК 28 марта 1927 г. вынес постановление о необходимости образования такой комиссии, о чем ходатайствовал перед президиумом ЦИК СССР. Президиум ЦИК СССР 18 июня 1927 г. постановил образовать такую комиссию под председательством товарища Исламова в составе двух представителей от ССР Грузии, одного представителя от Северо-Кавказского краевого исполкома и одного представителя от Ингушской автономной области.

Паритетная комиссия установила, что вопрос идет о земельном участке под названием Дарьял-хдэ в 7600 десятин, расположенном на реке Кистинке и официально находящемся в составе территории Грузии, но фактически в совместном пользовании у населения с. Казбек (Грузия) и сельского общества автономной области Ингушетии. Грузия считает, что этот участок должен полностью находиться в ее составе. Ингушетия настаивает на разделении участка с передачей ей правой части участка по течению реки Кистинки и с оставлением левой части участка в составе Грузии. Обе стороны в утверждении своих прав ссылаются

на давность фактического владения указанным участком [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 19. Д. 589. Л. 31].

На заседании президиума ЦИК Союза СССР в докладе рабочей паритетной комиссии по установлению границы между Грузинской ССР и Ингушской Автономной областью говорилось, что в соответствии с пунктом «б» ст. 1 и ст. 6 Конституции СССР пастбищный сенокос на участок Дарьял-Хдэ Душетского уезда мерою в 7600 десятин, расположенный по обеим сторонам реки Кистинки, не может быть включен в территорию РСФСР и должен оставаться в составе территории Грузинской ССР. Работу паритетной комиссии по установлению границ между Грузией и Ингушетией считать законченной [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 19. Д. 589. Л. 62]. Таким образом, вопрос о границе был решен в пользу Грузинской ССР.

Нерешенным оставался и вопрос о спорных территориях между Ингушской и Чеченской АО в районе с. Ачхой Мартан — Бамут. Но по обоюдному согласию представителей двух исполкомов спорный участок размером в 296 десятин был разделен поровну. 23 января 1928 г. Президиум ВЦИК утвердил новые границы между автономными областями [Кокорхоева 2002: 97].

В 1928 г. Ингушская автономная область имела уже четко очерченные внешние границы, завершился длительный и сложный процесс формирования административных границ. За небольшой период функционирования Ингушской АО как самостоятельного субъекта в нем начались кардинальные изменения во всех сферах экономической, социальной и культурной жизни.

Одной из приоритетных задач Ингушской автономии была ликвидация безграмотности. Так, доля грамотного населения с 3,4 % в 1926 г. выросла до 8,5 % к 1928 г., а к 1930 г. составляла 17,7 % [Районы Северного Кавказа 1930: 106].

Новая экономическая политика дала импульс развитию потребительской кооперации, к концу 1925 г. в Ингушетии и Чечне насчитывалось 156 различных кооперативных объединений, которые охватывали своей деятельностью более 20 тыс. крестьян. В некоторых аулах были созданы первые товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). Наиболее широкое распространение по-

лучили кредитные товарищества, которых в Ингушетии к 1929 г. насчитывалось 11, они охватывали около половины крестьянских хозяйств области. В годы НЭПа наблюдалось развитие сельскохозяйственного сектора экономики, улучшалось материальное положение крестьянства, увеличились посевные площади и посев зерна. Так, если в 1920 г. в Ингушетии и Чечне было засеяно 103 560 десятин земли, то в 1925 г. — 141 700. Значительные успехи были достигнуты и в животноводстве. Если в 1920 г. в Чечне и Ингушетии насчитывалось 531 534 головы скота, то в 1925 г. его поголовье выросло до 800 578 [Эльбуздукаева 2011: 189–190].

Экономика Ингушской АО на протяжении десяти лет ее существования оставалась преимущественно аграрной. Доля промышленности в структуре валовой продукции народного хозяйства АО была самой низкой среди национальных образований Северного Кавказа — 14 % (в Чечне — 20 %, в Осетии — 34 %). Тем не менее отрасль развивалась высокими темпами: к 1931 г. доля промышленности достигала 33 % [Мальсагов 2002: 14]. Рост промышленного производства сопровождался увеличением потребности в рабочих руках, что в свою очередь стимулировало миграцию ингушей в города, прежде всего во Владикавказ [Куркиева 2013: 27].

На фоне радужных перспектив государственного строительства появилась новая проблема, связанная с передачей Владикавказа Осетии. Руководство Осетии даже выдвинуло план удовлетворения потребностей Ингушетии:

Считаем совершенно необходимым, чтобы при передаче города Владикавказа Осетии было бы полностью выполнено постановление крайкома о создании условий, обеспечивающих удовлетворение хозяйственных и культурных нужд Ингушетии. Разрешение этой задачи мы представляем себе следующим образом: областной центр Ингушской автономной области остается в городе Владикавказе; Ингушская автономная область сохраняет за собой все принадлежащие ей в г. Владикавказе здания под хозяйственными и культурными учреждениями, и, кроме того, в пользование и распоряжение

ее передаются новые здания для удовлетворения ее культурных, административных и хозяйственных нужд. Мы считаем необходимым немедленное рассмотрение всех претензий Ингушской области на отчуждение в пользу Ингушетии отдельных зданий и даже целых кварталов из национализированного и муниципализированного фонда для обслуживания культурных и хозяйственных нужд Ингушской автономной области.

За Ингушетией закрепляются все принадлежащие ей промышленные предприятия и добавляются по решению комиссии еще ряд предприятий для полного удовлетворения ее интересов.

Создается в городе Владикавказе, а именно в районе под названном «Шалдон», Ингушский райсовет, входящий в состав горсовета и подчиняющийся ему. Осетия берет на себя особое обязательство обеспечить для граждан автономной Ингушской области возможности обращения в суд и административные органы города на родном языке.

Северо-Осетинский областной исполнительный комитет, считая для себя обязательным идти навстречу Ингушской автономной области в этих отношениях, а также во всех случаях, когда это требуется действительной нуждой ингушского народа, однако считает нецелесообразным организацию двойного управления городом Владикавказом, т.к. это привело бы г. Владикавказ к немедленному упадку. Городское хозяйство представляет собой единое целое и не допускает никакого разделения на части в управлении им со стороны двух административно не зависящих друг от друга образований. Нельзя, например, мыслить, чтобы единая система водопровода, канализации, электросети, финансового хозяйства, административного управления (милиция, уголовный розыск) регулировались из двух центров.

Город Владикавказ должен быть присоединен к Северной Осетии как единое территориальное образование.

Мы полагаем, что только на этой основе и будет выполнено решение о присоединении г. Владикавказ к Северной Осетии, т.к. лишь этим путем возможно обеспечить условия для

нормального развития города Владикавказа как в интересах Северо-Осетинской автономной области, так и Ингушетии [ПАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 829. Л. 48–50].

Вопрос о передаче города изменил политические настроения граждан обеих автономных областей. «Весть о передаче г. Владикавказа Осетии вызвала необычайное оживление среди нацинтеллигенции, особенно шовинистической части ее. Передача города была отпразднована нацинтеллигенцией организацией у себя по домам особых вечеров — обедов и банкетов в честь “великого для Осетии события”. Встречавшиеся в учреждениях и на улицах представители осетинской интеллигенции приносили поздравления друг другу, высказывая по адресу работников областного руководства “восхищение” и “благодарность” за успехи в политике продвижения национальных интересов. Одновременно нацинтеллигенция значительно оживленнее обсуждает и предпринимает перспективы и дальнейшие шаги национального развития, проводя откровенную пропаганду идеи “Великой Осетии” путем присоединения к Северной Осетии Южной Осетии (Закавказье) и Моздока.

Широко обсуждается вопрос о необходимости возбуждения ходатайства о переименовании Владикавказа в г. Ирон (иронцы — основное осетинское племя). Группа осетинских профессоров владикавказских вузов начала пропагандировать план реорганизации вузов, проводя мысль об образовании “университета Осетии”. Много говорят вообще о необходимости осетинизации города» [Совершенно секретно. 2002: 67].

Руководство Ингушской АО расценило решение края «ущемляющим жизненные национальные интересы Ингушетии», «оскорблением революционных чувств ингушского народа» и, упирая на то, что решение края о Владикавказе было вынесено без всякого участия и предварительного согласования с ингушской советской и партийной организацией, заняло резко отрицательную позицию, встав во главе движения протеста, охватившего все слои ингушского населения и апеллируя к центру за отмену решения крайкома ВКП» [Совершенно секретно. 2004: 104].

Секретарь Ингушского обкома ВКП (б) И. Зязиков и председатель Ингушского областного исполкома А. Горчханов выступили с резким осуждением этого решения и с встречным предложением о передаче Владикавказа Ингушской АО. Наиболее весомыми аргументами в пользу передачи ингушам Владикавказа было и то, что Северная Осетия имеет, помимо Владикавказа, иные промышленные центры (Ардон, Беслан, Дарг-Кох, Эльхотово, Хрестьяновское [Кокорхоева 2002: 79], которые в состоянии обеспечить экономическую независимость Осетинской автономной области. Передача же города СОАО отрицательно отразится на культурном социально-экономическом и политическом развитии Ингушской автономной области. 16 октября 1928 г. бюро Ингушского обкома поручило председателю Ингушского облисполкома вынести данный вопрос на рассмотрение ЦК ВКП(б), а также направить телеграмму Сталину с просьбой об отмене решения. На руководство Ингушетии оказывалось серьезное давление, но все же принципиальная и последовательная позиция, занятая руководителями области, возымела действие. ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР отменили решение краевого комитета «во избежание недовольства и трений между осетинским и ингушским народами».

17 декабря 1928 г. состоялось заседание Центрального оргбюро ЦК партии, на котором было принято постановление: «1) Вопрос о Владикавказе с повестки снять. 2) Поручить Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому разработать вопрос о слиянии Чеченской области и Ингушетии» [Кокорхоева 2002: 97].

В рассматриваемый период политику предоставления относительно максимальной автономии нацменьшинствам сменила государственная политика форсирования административными методами этнических процессов. В русле практического осуществления этой программы в 1928 г. в ЦК ВКП (б) рассматривался вопрос «о возможности объединения ингушей и чеченцев». Началось активное обсуждение перспективы создания единого литературного вайнахского языка, реальному осуществлению чего объективно способствовала близость разговорных чеченского и ингушского языков [Карпов 2012: 355]. Получив партийное задание, ученые начали работать в этом направлении.

При подготовке ингушского терминологического сборника З.К. Мальсагов говорил о том, что «работа терминологической комиссии организационно должна носить широкий общественный характер. Она неизбежно должна будет выйти за пределы узко терминовтворческой деятельности, должна будет подвергаться разработке вопросы алфавита, орфографии, грамматики, стилистики, диалектологии, и т.д. Она должна быть тесно связана с аналогичной работой чеченских организаций» [Ингушский терминологический сборник 1933: 2].

Началось активное обсуждение вопроса объединения Чеченской и Ингушской автономных областей на всех уровнях. Была создана специальная комиссия, проводившая исследование в обеих областях представителями центральных и краевых партийных органов. Ими было выявлено в целом отрицательное отношение ингушских и чеченских руководителей к перспективе создания единой автономии. Противники объединения указывали на сравнительную удаленность Ингушетии от Грозного, слабость экономических связей между двумя областями в экономическом отношении. Чечне было невыгодно объединение и с экономической точки зрения, так как в этом случае нужно было передавать аграрным ингушским районам часть поступлений от «Грознефти». Для Ингушетии же объединение с Чеченской означало окончательную уступку Владикавказу Северной Осетии» [Ахмадов 2005: 719].

Кроме вышеуказанных проблем, существовала не менее значимая территориальная сложность, связанная с Сунженским районом, который разделял две автономные области. Объединение Ингушетии и Чечни было невозможно без упразднения или слияния Сунженского округа с одним из вышеуказанных субъектов, так как последний в географическом отношении лежал между двумя отмеченными административными образованиями. Данный вопрос был разрешен. 4 февраля 1929 г. часть земель Сунженского автономного округа (станции Слепцовская, Троицкая, Карабулакская, Нестеровская, Вознесенская, Ассинская и хутор Давыденко) была включена в состав Чеченской АО, в Терский район отошли ст. Терская и Вознесенская, хутор Аки-Юрт (Сунженская), хутор Нижне-Бековичский, хутор Предмостный [Спи-

сок населенных мест терской области 1925]. Сунженский округ, располагавшийся между двумя автономными областями, был фактически упразднен с единственной целью — создания чечено-ингушской границы. Таким образом, упразднение Сунженского округа и присоединение большей части его территории к Чечне служило средством достижения более масштабного плана — объединения Чечни и Ингушетии со столицей в г. Грозном [Гадиев 2013: 147].

Следующим этапом объединения двух субъектов стал вопрос о передаче Владикавказа Осетии. Постановлением ВЦИК от 1 июня 1933 г. Владикавказ был отдан под юрисдикцию Северной Осетии, что лишило ингушей политического, экономического и культурного центра. Прежние административные органы были упразднены, все промышленные предприятия, учебные заведения и больницы, находившиеся ранее на территории Ингушетии, переданы Северной Осетии [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 45 а. Д. 83. Л. 4].

15 января 1934 г. председатель ВЦИК РСФСР М.И. Калинин телеграфировал в Грозный: в согласии с выраженной волей трудящегося населения Чеченской и Ингушской областей Президиум ВЦИК постановляет: «Автономную область Ингушетии объединить с Чеченской автономной областью, образовав Чечено-Ингушскую автономную область с центром в городе Грозный, входящую в состав Северо-Кавказского края» [Грозненский рабочий 1934]. Председатель ВЦИК лукавил: Чеченская и Ингушская автономные области были объединены в Чечено-Ингушскую автономную область без волеизъявления народов.

После объединения Ингушской АО и Чеченской АО в Чечено-Ингушскую АО (АССР по Конституции 1936 г.) и передачи Владикавказа в состав Северной Осетии ингуши лишились своего географического, культурного и экономического центра. Возникший административный барьер ограничил их доступ к промышленному и научно-образовательному потенциалу города и возможности модернизации хозяйства, повышения квалификации и числа рабочих и инженеров, развития собственной системы науки и образования и т.д. Это объясняется тем, что новый административный

центр — г. Грозный — находился далеко от районов Ингушетии. Владикавказ был близок к Пригородному району Ингушетии, население которого достигало его за полчаса пешей ходьбы, и к Назрани (их разделяло не более 25 км), тогда как расстояние до Грозного составляло почти 100 км. Учитывая, что основным видом транспорта в тот период оставался гужевой (максимальная скорость повозки составляла 16 км/ч), путь до столицы занимал не менее 6,5 часов, что негативно сказывалось на интенсивности различных видов связей (торгово-экономических, деловых, культурных и др.) между населением ингушских районов и административным центром [Куркиева 2013: 27]. В новую столицу (Грозный) были переведены все культурно-просветительские учреждения. Этот «гуманный акт» предполагал, что при создании специальных условий близкородственные народы должны образовать единый этнос. Реально при существовавшем в тот период и сохраняющемся до настоящего времени более чем четырехкратном численном преобладании чеченцев над ингушами это означало растворение ингушского народа в чеченском, тем более при создании специальных условий [Карпов 2001: 239].

С этого периода началась новая эпоха в жизни ингушского и чеченского народов.

Чечено-Ингушская АССР 1934–1991 гг.

В январе 1934 г. Чеченская и Ингушская автономные области без волеизъявления народов были объединены в Чечено-Ингушскую автономную область в составе Северо-Кавказского края. С принятием Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные области преобразованы в автономные Советские Социалистические Республики — самостоятельные административно-территориальные образования в составе РСФСР.

При этом административным центром Пригородного района Чечено-Ингушской области парадоксальным образом еще долгое время оставался г. Орджоникидзе. Предусмотренный ВЦИК перенос райцентра в с. Базоркино в 1936 г. так и не был осуществлен.

Только 17 февраля 1940 г. был издан указ президиума Верховного Совета РСФСР о перенесении центра Пригородного района ЧИ АССР из г. Орджоникидзе в селение Шолхи [ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 11. Д. 212. Л. 40].

Привыкшие жить рядом с Владикавказом, ингуши после передачи его Осетии стали ощущать на себе последствия дискриминационной политики власти. Новая столица, находящаяся за сотню километров от исконного места проживания ингушей, не внушала надежды на дальнейшее прогрессивное развитие Ингушетии. Начавшаяся Великая Отечественная война нарушила и без того сложную обстановку в крае. В это тяжелое для страны время ингуши стали на защиту Родины. Не считая призванных из других регионов и тех, кто к этому времени уже служил в рядах Красной Армии, на фронт ушли 11 тыс. ингушей при общей численности населения 80 тыс., из которых около 50 % составляли дети и старики. Из призванных на войну почти 4000 воинов не вернулись домой, 46 человек были удостоены звания Героя Советского Союза [Албогачиева 2011: 67].

В сентябре 1942 г. немцы перешли границу Ингушетии на Северо-Западе, в Малгобекском районе, и оккупировали город нефтяников Малгобек⁴. Захватчики столкнулись с упорным сопротивлением войск Закавказского фронта и двухтысячной армии добровольцев, сорвавшей план прорыва фашистов к нефтяным запасам Кавказа и дальнейшее их продвижение [История Ингушетии 2011: 408–409].

Несмотря на имеющиеся заслуги перед Отечеством, в 1944 г. Чечено-Ингушскую АССР упразднили, чеченцы и ингуши были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан как «предатели Родины» [Уралов 1991: 63], а бойцов указанных национальностей, награжденных правительственными наградами за мужество и отвагу, отзывали с фронта и вместе с родственниками отправляли в ссылку. География расселения ингушского и чеченского народа в Казахстане в 1944–1945 гг. охватила Акмолинскую, Актюбин-

⁴ В 2006 г. городу Малгобеку присвоено почетное звание «Город воинской славы».

скую, Алма-Атинскую, Восточно-Казахстанскую, Джамбульскую, Карагандинскую, Кзыл-Ординскую, Кокчетавскую, Кустанайскую, Павлодарскую, Северо-Казахстанскую, Талды-Курганскую и Южно-Казахстанскую области [Ермекбаев 2009: 96].

«Только за период с 23 февраля 1944 г. до 1 октября 1945 г. численность ингушей и чеченцев сократилась более чем на 91 тысячу человек» [Алиев 2007: 17].

После ликвидации ЧИ АССР был образован Грозненский округ с центром в городе Грозном в составе Ставропольского края РСФСР.

В состав Грозненского округа были включены г. Грозный и следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский, в существующих границах, Гудермесский район за исключением восточной части, Сунженский район за исключением западной части, Галанчожский и Галашкинский районы за исключением южной части этих районов и северо-западная часть Курчалоевского района.

В состав Дагестанской АССР были включены районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Веденский, Ножай-Юртовский, Саяновский, Чеберлоевский, а также Курчаловский и Шароевский районы, за исключением северо-западной части этих районов, и восточная часть Гудермесского района.

В состав Северо-Осетинской АССР были включены г. Малгобек и следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Ачалукский, Назрановский и Пседахский — в существующих границах (рис. 4), а также Пригородный район за исключением его южной части, западная часть Сунженского района и восточная часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР, в котором в основном проживали ингуши.

В состав Грузинской ССР были включены следующие районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Итум-Калинский район — в существующих границах, западная часть Шароевского района, южная часть Галанчожского, Галашинского и Пригородного районов, а также юго-восточная часть Северо-Осетинской АССР.

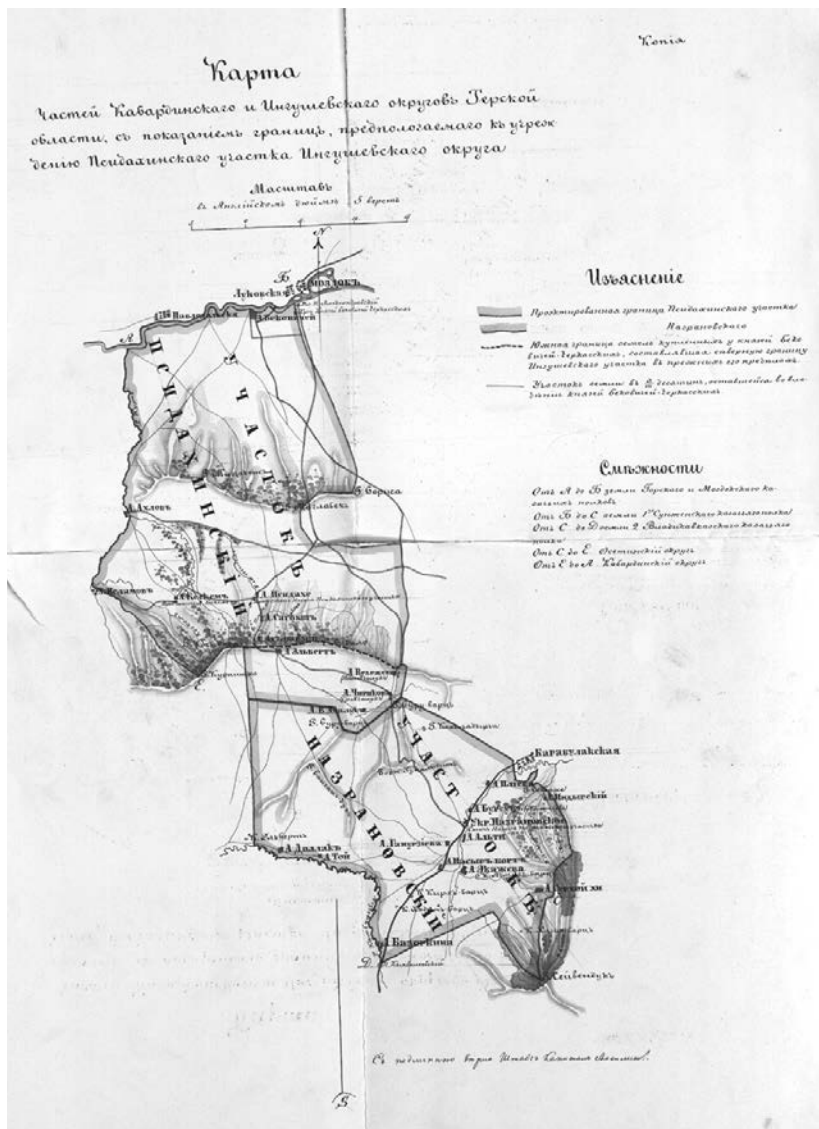

Рис. 4. Граница Пседахского участка на карте Кабардинского и Ингушеского округов Терской области

На территории, где раньше жили депортированные народы, появились новые названия населенных пунктов. Как правильно отмечает В.А. Шнирельман, «в ряде случаев пришлое население пытается укорениться, маркируя заселяемую территорию своими собственными названиями. И, напротив, окончание “колониального господства” требует смены топонимики как символа полного разрыва с прежней властью. То же самое произошло с топонимикой на территориях депортированных народов в 1943/44–1957 гг. Ингушская топонимика Пригородного района была заменена осетинской» [Шнирельман 2008: 68].

8 мая 1944 г. название всех населенных пунктов Пригородного района были изменены решением Северо-Осетинского обкома ВКП(б).

Так, селения Галгай и Новый Джерах названы селением Камбилеевским, по имени реки, протекающей через них; слово Камбилеевка — не ингушское и не чеченское, а русское. Селение Гадаборшево названо селением Куртат, т.к. большинство жителей переселилось из Куртатинского ущелья.

Селение Шолхи названо селением Карца, т.к. сюда переселились жители из селения Карца Гизельдонского района. Селение Яндиево названо селением Дачное, так как здесь были организованы дачи для ответственных работников.

Селение Длинная Долина названо селением Терк — осетинское название реки Терек, на берегу которой оно расположено. Населенный пункт Цороев назван Нижний Дангарон, что значит приречное, селение находится при реке Камбилеевке. Селение Ачки-Юрт названо селением Сунженским — старое название бывшей Сунженской станицы.

Селение Ангушт переименовано в селение Тарское — название бывшей станицы Тарской. Селение Льянов названо Детским, так как здесь организовывались детские колонии. Селение Таузен-Юрт — в селение Комгарон, что означает конец ущелья (по характеру местности). Селение Базоркино названо селением Чермен, по имени героя Чермен, который вел борьбу против врагов осетинского народа и дворян-землевладельцев. Населенные пункты Шолджи и Шолхи переименованы в селение Погранич-

ное, так как там были организованы лагеря погранучилища. Селение Бардабос названо селением Лесное, так как здесь каждый год шли лесозаготовки.

По Пседахскому району. Селение Пседах — в селение Аланское (древнее название осетин). Селение Кескем — в селение Советское. Селение Сагопш в селение Ногцард, что означает новая жизнь.

По Ачалукскому району. Селение Ачалуки — в Ацалык, осетинское название этого селения тюрского происхождения, означающее кислая вода. Селение Доллаково — в селение Даллакау — осетинское названное этого селения. Селение Кантышево — в селение Нартовское по имени района.

По Назрановскому району. Селение Назрань, как районный центр — в селение Коста Хетагурово. Селение Барсуки — в селение Хорджин, что означает урожайное. Селение Гамурзиево — в селение Рухс, что означает свет, просвещение, культура. Селение Альтиево — в селение Баркаджин, что означает изобильное. Селение Сурхохи — в селение Мамисон, так как сюда переселились жители Мамисонского ущелья. Селение Экажево — в селение Ново-Ардонское, так как сюда переселились жители из Ардонского района. Селение Насыр-Корт в селение Ново-Дигорское, так как сюда переселились жители из Дигорского района. Селение Али-юрт — в селение Нарон, так как сюда переселились жители из селения Нар. Селение Плиево в селение Ахсар, что означает доблесть, героизм.

По Сунженскому району. Селение Яндырка в селение Райздаст, что означает красивое, приятное на вид – характер местности. Селение Гази-Юрт – в селение Заречное, так как оно расположено за рекой Сунжа [Арапханова 2004: 161].

Все отменяемые названия сел — ингушского и чеченского происхождения, за исключением названия Длинная Долина, которое было заменено потому, что трудно произносимо для осетин. Документ был подписан Председателем Президиума Верховного Совета СО АССР Г. Гаглоевым и Секретарем Президиума Верховного Совета СО АССР К. Дзокаевым в 1944 г.

В другом документе уже ровно через год после депортации 23 февраля 1945 г. за подписью Председателя президиума Верховного Совета РСФСР Н. Шверника и Секретаря Президиума Верховного Совета РСФСР П. Бахмурова были переименованы все остальные населенные пункты ЧИ АССР.

По Первомайскому району. Селение Н.Алкун в Лесогорье, селение В. Алкун в Дачное, селение Аршты в Дубравино, селение Галашки в Первомайское, селение Даттых в Ключевое, селение Мужичи в Луговое, селение Семиогоч в Новый Путь.

По Сунженскому району. Селение Алхасты в Краснооктябрьское, селение Асланбек в Серноводск, поселок Чемульга в поселок Чинары [Арапханова 2004: 242].

Депортированные страдали из-за отсутствия жилья, еды и элементарных норм человеческого общежития. Они должны были соблюдать строгий режим с ежемесячной явкой в комендатуру и запрет на самовольный выезд из мест ссылки, нарушение которого каралось 25 годами работ в лагерях ГУЛАГа. Они не имели права поступать в высшие учебные заведения. «Представители интеллигенции, культурного фронта, многочисленные педагоги, писатели, научные кадры и партийные работники, не имея возможности применить свои знания по специальности, ограниченное предубежденным отношением местных руководителей учреждений и предприятий, вынуждены были дисквалифицироваться и идти на другие работы, чаще всего хозяйственные, технические должности» [Ингуши 2004: 332].

Спустя десять лет в 1954 г. со спецпереселенцев был снят запрет на поступление в вузы. В 1955 г. их освободили от ежемесячной явки в комендатуру. В 1956 г. с ингушей сняли все ограничения по передвижению по стране, за исключением поездки на Кавказ. Ингуши организовали делегацию в Москву, чтобы добиться разрешения вернуться на свою землю. Получив утвердительный ответ, не дожидаясь официального разрешения, продав за бесценок скот и жилье, они отправились на родину. Пришлось вводить пропуска на выезд, организовывать спецэшелоны.

Многие осетины освобождали жилье законным владельцам, когда первые ингушские семьи возвращались в свои дома. Со

своей стороны, ингуши выплачивали денежную компенсацию осетинам, которые вложили собственные средства для улучшения жилища. Но осетинские власти запретили населению продавать дома ингушам [Некрич 1978: 89]. Циркуляр № 063 предписывал местным органам не позволять «учреждениям и частным лицам продавать дома или сдавать жилплощадь под квартиры ингушам, возвращающимся из поселения, а в отношении лиц, уже приобретших дома, признать куплю-продажу недействительной» [Албогачиев 2004: 22]. Эту информацию руководители сельских советов доводили до сведения местного населения, предупреждая о возможных административных и иных последствиях. Добрые чувства и помыслы простых людей государство не брало в расчет. Руководство сознательно провоцировало межнациональный конфликт.

В конце 1956 г. на станцию Беслан прибыл первый эшелон из Кустанайской области с ингушскими семьями. Люди возвращались организованно, билеты приобретались по пропускам. Но первый секретарь обкома партии СО АССР А. Агкацев дал указание местным органам МВД оцепить станцию Беслан, не допустить разгрузки эшелона и отправить его обратно. Людям не дали даже выйти из вагонов, встретив их автоматами и штыками. Эшелон с людьми вернули в Казахстан [Так это было 1993: 135].

В 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета ССР была восстановлена упраздненная Чечено-Ингушская АССР, но в иных границах, чем до упразднения. В ее составе остались переданные в 1944 г. из Ставропольского края в Грозненскую область Наурский и Шелковской районы с преобладающим русским населением, но при этом ей не был возвращен Пригородный район, оставшийся в Северной Осетии. Вместе с тем в республике была проведена огромная работа: трудоустройство возвратившегося чеченского и ингушского населения, предоставление ему жилья, оказание финансовой и материальной помощи, повышение общеобразовательного уровня, квалификации [Грозненский рабочий 1957: 2].

Предстояло решить многие запутанные вопросы административно-территориального деления региона. В связи

с такими сложностями органы власти летом 1957 г. временно приостановили возвращение репатриантов. Большинство чеченцев и ингушей вернулось на родину только к весне 1959 г., но процесс возвращения продолжился до 1963 г. [«Наказанный народ» 2012]. Часть ингушей так и остались жить в Казахстане, некоторые репатрианты, неудовлетворенные существующим положением на родине, туда вернулись.

По возвращении ингуши столкнулись с новой проблемой: лишь треть смогла заселиться в свои дома, которые в большинстве были заняты новыми поселенцами, не желавшими их освободить. Пока ингуши были в ссылке, Пригородный район и часть Малгобекского района, ранее входившие в состав Чечено-Ингушской АССР, были включены в состав Северо-Осетинской АССР. Грузия, Ставропольский край и Дагестан беспрепятственно вернули земли чеченцев и ингушей. А Северная Осетия стала активно мешать возвращению на родину ингушей Пригородного района: с помощью милиции и войсковых частей вывозили возвращающихся людей за пределы района.

Несмотря на усилия властей, часть ингушей вернулась в свои дома: огромное количество совершенно одинаковых фамилий у ингушей и осетин, взятки и всевозможные ухищрения помогли им. Согласно переписи 1970 г., в Северо-Осетинской АССР проживало 18 387 ингушей, что составляло примерно 11,7 % всех ингушей СССР. Остальная часть ингушей, не имея возможности вернуться в места прежнего проживания, стала ратовать за восстановление ингушской автономии в прежних границах [Албогачева 2013: 47].

Вслед за этим 9–10 сентября 1989 г. на Втором съезде ингушского народа была принята резолюция, требовавшая территориальной реабилитации ингушей: «Просить ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Второй съезд народных депутатов СССР решить вопрос восстановления нашей автономии в форме Ингушской Советской Социалистической Республики в составе Российской Федерации с административным центром в правобережной части г. Орджоникидзе» [Второй съезд... 1990: 212]. Обращения ингушской общественности и выступления советских и междуна-

родных правозащитных организаций против нарушений гражданских прав и дискриминации ингушей по национальному признаку в Северной Осетии привлекли внимание союзного и российского центров к проблеме Пригородного района.

С 1989 г. в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии работали многочисленные комиссии (Совета министров РСФСР, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР, Госкомитета РСФСР по национальным вопросам и др.), изучавшие вопрос о восстановлении ингушской автономии. Наиболее показательна в этом отношении работа комиссии для рассмотрения обращений ингушского населения, которая была создана в марте 1990 г. Советом национальностей Верховного Совета СССР. Комиссия по обращениям ингушского населения провела огромную работу на местах и вынесла экспертное заключение. Рассмотрев вопрос и заслушав доводы обеих сторон, комиссия в ноябре 1990 г. постановила, что «требования ингушского народа о возвращении Чечено-Ингушской АССР Пригородного района в его границах 1944 г. и других территорий, ранее входивших в состав Чечено-Ингушской АССР, имеют основания и подлежат рассмотрению Верховным Советом РСФСР». Комиссия потребовала отменить Постановление Совета министров СССР от 5 марта 1982 г. «Об ограничении прописки в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР» и другие дискриминационные акты. Комиссия подчеркнула, что предложения об установлении столицы ингушской автономии в правобережной части города Владикавказа не могут быть реализованы в силу существующих социально-политических, демографических и экономических реальностей [Трагедия... 1991: 54].

Руководство Осетии попыталось обосновать исторические права СО АССР на аннексированные территории при помощи «казачьей карты». В частности, утверждалось, что на спорной территории ингуши жили только 23 года, с 1921 по 1944 гг. Однако более ранний период был изъят из истории. Так, в 1859–1867 гг. в нынешнем Пригородном районе создаются станица Тарская (на месте селения Ангушт), станица Сунженская (селение Ахки-Юрт), станица Аки-Юртовская (селение Таузен-Юрт) и хутор

Тарский (селение Шолхи) [Сборник сведений о кавказских горцах 1878: 373–374]. Кроме указанных селений, там располагалось около 40 населенных пунктов, где проживали ингуши [Новицкий 2011: 103].

Верховный Совет Северо-Осетинской АССР, отстаивая права Осетии на спорные земли, в 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете, в которой говорилось, что территория Северной Осетии не может быть изменена без волеизъявления всего дееспособного населения республики, выраженного путем референдума. Существует точка зрения, что, принимая Декларацию о государственном суверенитете, Верховный Совет Северо-Осетинской АССР имел целью отстоять права Осетии на земли Пригородного района, которые оспаривались ингушами [Новицкий 2011: 103].

Ограничения на прописку затрудняли устройство на постоянную работу, получение социальных льгот и т.п.

14 сентября 1990 г. Верховный Совет Северной Осетии принял еще одно постановление, запрещающее на всей территории республики куплю-продажу домов и других строений на правах личной собственности. Протест Генеральной прокуратуры СССР власти СО АССР проигнорировали. Однако несмотря на все вышеуказанные и ранее принятые постановления, с началом грузино-осетинского конфликта в Северную Осетию были переселены беженцы из Южной Осетии и других частей Грузии, которых республиканские власти расселили в Пригородном районе, предоставив целый ряд льгот и привилегий. Это обострило и без того сложную ситуацию вокруг спорных территорий, так как противоречило постановлению «О временном ограничении механического прироста населения на территории Северо-Осетинской ССР» [Патиев 2011: 4].

18 августа 1991 г. делегация Чечено-Ингушетии прибыла во Владикавказ для переговоров по реализации закона «О реабилитации репрессированных народов». Однако в связи с «неготовностью» Северной Осетии переговоры не состоялись. Важный для обоих народов вопрос оказался отложенным на неопределенное время.

Драматические события конца 1991 г. привели к распаду Советского Союза и радикально изменили его прежний состав. Автономные республики на этой волне потребовали независимости.

1 октября 1991 г. Чечено-Ингушская АССР распалась на Ингушскую Республику в составе РСФСР и независимую Чеченскую Республику.

Ингушетия пожелала войти в состав РСФСР на основе решения Чрезвычайного съезда народных депутатов Ингушетии от 15 сентября 1991 г. [Второй съезд 1990: 211].

4 июня 1992 г. Верховный Совет РФ принял закон «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации», в котором не были определены границы вновь образованной республики. Исходя из сложившихся реалий и опираясь на положение Закона РФ 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», предусматривавшее «восстановление национально-территориальных границ до их антиконституционного насильственного изменения», ингушская сторона рассчитывала разрешить территориальную проблему [Карпов 2001: 247]. В Ингушетии проходили митинги, представители интеллигенции писали письма и лично обращались к президенту РФ Б.Н. Ельцину.

Латентная конфликтность стремительно перешла в открытое силовое противостояние. 31 октября — 4 ноября 1992 г. в Северной Осетии началась массированная вооруженная акция под прикрытием армии против ингушских поселков, защищаемых местными жителями. В течение нескольких дней происходили убийства, захват заложников, поджоги и разграбления домов, завершившиеся изгнанием ингушей из Пригородного района и Владикавказа.

Российское руководство оказало всестороннюю поддержку Северной Осетии. С.В. Белозерцев сообщил, «что депортация и геноцид готовились заранее, [о них] не могли не знать ни Министерство безопасности Северной Осетии, ни Министерство безопасности Российской Федерации, так как факты массовых закупок для Северной Осетии бронетехники и не скрывались. Даже колхозы покупали танки и БТРы к моменту крупномасштабной операции. Первых насчитывалось около 70, вторых — более 120,

практически все машины были соответствующе экипированы. Во Владикавказе брали на учет всех проживающих, а не только прописанных ингушей. Все это не могло пройти незамеченным!» [Белозерцев 1993: 5–6]. В республику были переброшен воинский контингент, насчитывавший около 12,5 тыс. военнослужащих с тяжелой техникой.

Ингуши не могли понять, почему федеральный центр принял сторону осетин и вместо разъединения противоборствующих сторон использует метод подавления ингушской стороны. Представитель Президента РФ в Ингушской Республике И.М. Костоев утверждал, что он предлагал ввести войска со стороны Беслана, блокировать зону с двух сторон, а затем производить разоружение противоборствующих сторон. Вначале с этим согласились, но потом решили вводить войска со стороны Владикавказа и вытеснять ингушей, а это привело к массовым жертвам [Белозерцев 2012].

Оценивая позицию представителей федерального руководства во время так называемого межнационального конфликта, бывший глава Госкомитета Российской Федерации по делам национальностей Валерий Тишков позже признал: «Это была подлинная индульгенция на проведение “этнической чистки” против таких же граждан, но другой (ингушской) национальности» [Тишков 1997: 78].

Республика Ингушетия (1992–2014)

Самому молодому субъекту Российской Федерации 4 июня 2014 г. исполнилось 22 года. Вопрос о границах Ингушетии является дискуссионным, так как они со дня ее основания были прозрачными. Республика была создана, однако не было внесено конкретных предложений по территориальным границам, хотя эти вопросы очень важны для функционирования нового государства. Из-за нерешенности проблемы на протяжении всего периода государственного строительства Республики Ингушетия вопросы о спорных территориях возникали и возникают.

За 22 года ни один из вопросов, связанных с границами Ингушетии, не был решен в интересах народа, с учетом исторической справедливости. Федеральный центр не считает нужным учитывать исторические реалии, а предпочитает выжидать. Первые лица Республики Ингушетия неоднократно просили всеми возможными правовыми способами решить территориальный вопрос.

Нельзя не отметить, что попытки все-таки предпринимались. Так, 21 сентября 1992 г. было принято постановление Президиума Верховного совета Российской Федерации не проводить выборы в Верховный совет Ингушской республики до определения границ. Правительству России было предложено «обязать государственную комиссию незамедлительно приступить к работе по подготовке правовых актов, определяющих границы Ингушской республики и до 20 октября 1992 г. проинформировать Президиум Верховного совета РСФСР о проделанной работе» [Патиев 2007: 249]. 20 октября Государственная комиссия России вынесла решение о необходимости проведения границы между Северной Осетией и Ингушетией по состоянию на 23 февраля 1944 г. Но исполнению этого решения помешали спровоцированные события октября-ноября 1992 г.

В мае 1993 г. была предпринята новая попытка установления границ между субъектами Российской Федерации. Была образована комиссия под председательством вице-премьера С.М. Шахрая. Отказавшись определить границы между Северной Осетией и Ингушетией в соответствии с законом «О реабилитации репрессированных народов», комиссия сосредоточила свое внимание на границах между Ингушетией и Чечней. Правительство Российской Федерации дважды после этого создавало комиссии по определению границ между Ингушетией и Чечней, принимала положения о Госкомиссии (от 26 декабря 1995 г. и 16 марта 1996 г.), но они так и не приступили к работе [Патиев 2007: 274].

Несмотря на наличие государственной границы с Грузией, с которой нет спорных территорий, в мае 1993 г. приказом главнокомандующего пограничными войсками Российской Федерации образована пограничная комендатура с местом дислокации

в г. Назрань. Перед ней поставлена задача охранять государственную границу с Грузией. 9 сентября того же года выставлена и приступила к охране государственной границы первая пограничная застава [Патиев 2007: 277]. Местное население выражало по этому поводу недовольство, считая, что на строительство погранзаствы и ее обустройство у государства имеется необходимый ресурс, а на удовлетворение нужд граждан своей страны нет возможностей. Люди отмечали, что попраны их гражданские права, но их крик о помощи не слышат в федеральном центре. Ингуши пытались решить территориальный вопрос в 1957–1992 гг. законным, конституционным путем, а получили осетино-ингушский конфликт, в котором не последнюю роль играли российские войска, взявшие сторону осетин.

На этом фоне, обидно, что на строительство погранзаствы находятся средства, а мы ютимся в вагончиках, не приспособленных для жилья [ПМА 2014].

Горная Ингушетия, где расположилась погранзаस्ताва, после осетино-ингушского конфликта стала для местных жителей совершенно недоступна, так как ее отделил г. Владикавказ, который многие годы был закрыт для ингушского населения. Как вспоминают беженцы, Горная Ингушетия после осетино-ингушского конфликта приняла у себя около 40 тыс. человек с военной зоны, которых нужно было вывести на плоскость [ПМА 2013]. Горные тропы через Ассиновский каньон стали для многих беженцев Пригородного района Дорогой жизни [Дзарахова 2012: 182].

После осетино-ингушского конфликта для сообщения с горной частью Ингушетии возникла острая необходимость в строительстве объездной дороги через Сунженский район, которая соединила бы жителей горной и равнинной частей Ингушетии. Здесь же нужно отметить, что из-за наличия погранзаствы в горной Ингушетии проезд в эту часть республики до последнего года нужно было согласовывать с пограничниками.

Возвращаясь к вопросу о границах, нужно отметить, что он беспокоил не только местное население, но и руководителей Ин-

гушетии, которые предпринимали попытки для проведения четких границ своего субъекта. Так, 17 июля 1993 г. распоряжением президента Ингушетии Р.С. Аушева № 126 была образована рабочая группа Государственной комиссии по определению границ Республики Ингушетия. Изменения и дополнения в состав комиссии внесены распоряжениями президента Ингушетии от 16 октября 1993 г., 25 октября 1993 г., 30 марта 1994 г., 15 июля 1994 г. Несколько раз комиссия собиралась и обсуждала ситуацию, но работу так и не завершила.

23 июля 1993 г. в Грозном прошли двухсторонние переговоры официальных делегаций Чечни и Ингушетии. Президентом Р.С. Аушевым и Д.М. Дудаевым был подписан «Договор между Чеченской и Ингушской Республикой о принципах определения границ их территорий». Договаривающиеся стороны «обязуются не проводить территориального размежевания и не устанавливать государственные границы между Чеченской и Ингушской республиками без согласия на то обеих сторон и не допускать участия или посредничества в переговорах о территориальном размежевании какой-либо третьей стороны» [Патиев 2007: 279].

В принятом протоколе отмечается, что Чеченская Республика — субъект международного права, а Республика Ингушетия — субъект Российской Федерации и поэтому необходимо определить государственную границу между ними из необходимости обеспечить действие механизма государственного управления. Стороны пришли к соглашению о необходимости подготовки и проведения демаркации границ между Чеченской Республикой — Ичкерия и Республикой Ингушетия в срок до 1 июня 1994 г. [Богатырев 2012: 164]. В соответствии с сепаратным договором часть Сунженского района бывшей Чечено-Ингушской ССР с преобладающим ингушским населением передавались Ингушетии. При этом за Чечней оставались населенные пункты Серноводск и Асиновская, где жили преимущественно чеченцы.

Возникает справедливый вопрос о том, насколько правомочен этот документ. Ведь на тот период Д. Дудаев был непризнанным президентом Чеченской Республики, а Р. Аушев являлся легитимным президентом Республики Ингушетия. Подписание этого до-

кумента в последствии привело к противоречиям и неясностям в административно-территориальном устройстве двух новых республик [Сайдумов 2014: 343].

Как известно, Конституция Российской Федерации не дает право субъектам, входящим в ее состав, определять государственные границы. Республика Ингушетия является неотъемлемой частью Российской Федерации, да и Чеченскую Республику де-юре от нее никто не отделял, а поэтому Протокол-соглашение не имеет юридической силы [Богатырев 2012: 169].

Как и следовало ожидать, территориальные претензии Чечни к Ингушетии возникли сразу после смерти Д. Дудаева, но с приходом к власти Ахмат-хаджи Кадырова президент Ингушетии Мурат Зязиков и новый президент Чечни 10 марта 2003 г. в Магасе подписали протокол, согласно которому в составе Чеченской Республики остается Сунженский район с населенными пунктами, находящимися под юрисдикцией Чечни, а остальная часть района, как и было ранее, остается под юрисдикцией Ингушетии. Главы республик обратились к президенту РФ с просьбой возобновить деятельность Госкомиссии по определению административной границы между Ингушетией и Чечней [Патиев 2007: 353].

С приходом к власти Р.А. Кадырова вопрос о границах снова был поставлен на повестку дня. Спорными объявлены часть Сунженского и Малгобекского района ввиду того, что они с 1929 по 1934 г. были включены в состав Чеченской Автономной области. Чтобы объективно решить вопрос о спорных территориях была создана специальная комиссия для рассмотрения указанных вопросов. В результате стороны пришли к выводу о неизменности существующих границ субъектов.

Вопрос о границах с РСО-А также оставался дискуссионным. 18–20 марта 1993 г. состоялись переговоры официальных делегаций Северной Осетии и Ингушетии при посредничестве делегаций из Ставрополя и Дагестана. Произошло подписание Кисловодского соглашения. «Соглашение о мерах по комплексному решению проблемы беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Ингушской республики и Северо-Осетинской ССР». Соглашение предусматривало создание смешанной комиссии по

составлению и согласованию списков беженцев и вынужденных переселенцев из Ингушетии и Северной Осетии. Стороны взяли на себя обязательства приступить к комплексному решению проблемы беженцев, включая вопросы обеспечения безопасности, возвращения и расселения в согласованных местах компактного проживания [Боков 2008: 177].

Несмотря на переговорные процессы и различного рода соглашения, власти Северной Осетии противодействовали возвращению вынужденных переселенцев как силовыми акциями, так и принятием нормативных актов [Тишков 2013: 95].

29 июля 1993 г. президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин и председатель Совета министров РФ В.С. Черномырдин обратились к народам Северной Осетии и Ингушетии с призывом принять взаимно согласованные обязательства для нормализации обстановки в регионе. В обращении подтверждена необходимость моратория на пересмотр границ, а «провозглашенный Всеобщей декларацией прав человека свободный выбор места жительства не может сопровождаться выдвиганием территориальных претензий к соседним народам» [Патиев 2007: 279–280].

7 декабря 1993 г. в Нальчике принимается Заявление участников совещания руководителей республик, краев и областей Северного Кавказа, в котором утверждается «отказ от изменений ныне существующих границ между субъектами Российской Федерации без согласия на это самих субъектов». Таким образом, вновь образованная Республика Ингушетия лишается в соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» права на восстановление своей территории. Тем самым признается, что ингуши не имеют никаких претензий (в первую очередь территориальных) к Северной Осетии.

10 июля 1995 г. Председатель Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдин обратился с телеграммой к главам республик с призывом «проявить государственную мудрость и подтвердить конкретными договоренностями вашу готовность к примирению и согласию между двумя республиками. О результатах встречи прошу информировать». 11 июля 1995 г. состоялись переговоры официальных делегаций республик Ингушетия и Осе-

тия в городе Владикавказ. Президенты Р.С. Аушев и А.Х. Галазов подписали «Соглашение между Республикой Ингушетия и Республикой Северная Осетия-Алания о реализации указов президента Российской Федерации и по вопросам ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта». Стороны подтвердили свою приверженность Конституции РФ и отказались от территориальных притязаний друг к другу. Подписано было и соглашение между РСО-А и РИ «О реализации указов президента РФ по вопросам ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта». В месячный срок было решено принять план совместных мероприятий по усилению борьбы с преступностью и терроризмом, программу совместной работы по оздоровлению морально-психологической обстановки в республиках.

Это был первый визит руководителя Республики Ингушетия в Северную Осетию [Патиев 2007: 305–306]. Подписание этого соглашения Р.С. Аушевым подорвало его авторитет в глазах депортированной из Осетии части населения, которое еще надеялось вернуться в свои дома.

Работу по решению территориального спора между республиками продолжил и второй президент Республик Ингушетия М.М. Зязиков. 11 октября 2002 г. М.М. Зязиков и А.С. Дзасохов заключили «Соглашение о сотрудничестве и добрососедстве». Была разработана программа по его выполнению. В ее реализацию были включены все структуры власти, общественные и политические организации, духовенство, родственные фамилии двух народов. Началось возвращение ингушских беженцев в свои дома в Северной Осетии [Албогачиева 2012: 47].

Несмотря на все усилия местных властей, территориальные споры еще не решены полностью и будоражат умы радикально настроенной части населения смежных республик.

Для установления границ субъектов федерации важное место занимает Закон о местном самоуправлении. Он уже несколько лет назад был введен на территории всех субъектов Российской Федерации, за исключением Ингушетии и Чечни. Предстоящая демаркация границ Республики Ингушетии с Чеченской Республикой и вопрос аннексированных территорий в пользу Север-

ной Осетии вызывает много споров и нареканий в местном обществе. Правозащитники и значительная часть населения считают, что пока в соответствии с законом «О реабилитации репрессированных народов» Пригородный район не будет возвращен под юрисдикцию государственных органов Ингушетии, ни о каком местном самоуправлении не должно идти речи [ПМА 2014]. Эти сложные вопросы с демаркацией достались жителям трех республик от сталинской национальной политики — послевоенной депортации ингушей и произвольном изменении административных границ в регионе в конце 1920–1930-х годов.

Существование демаркированных границ Республики Ингушетия многие годы блокировало решение вопроса о местном самоуправлении. Эти вопросы стояли перед Республикой Ингушетия со дня ее основания, и каждый президент предпринимал попытки решить вопрос о границах. В связи с этим до 1 марта 2009 г. должны были определиться территории, установиться границы муниципальных образований, надо было наделить вновь образованные муниципальные формирования статусом городского, сельского поселения, городского округа, муниципального района.

В Ингушетии к этому закону было неоднозначное отношение. Ю.-Б.Б. Евкуров проводил консультации с представителями общественных неправительственных организаций, посещал населенные пункты, встречался с жителями, а также решил созвать съезд. На нем были как сторонники, так и противники принятия Закона о местном самоуправлении, и к единому мнению не пришли. Однако 10 февраля 2009 г. на XXVI внеочередном заседании Народного собрания Республики Ингушетии Закон о местном самоуправлении все же был принят (за — 14, против — 5, отсутствовали — 8) [Албогачиева 2013: 102].

Президент Ингушетии выразил уверенность в необходимости принятия этого закона. «Я в первую очередь за то, чтобы был этот закон. Принятие закона о местном самоуправлении говорит о том, что любая республика или область состоялись. Если этого не будет, то еще как минимум десять лет республики не смогут считать себя полноценными субъектами, без определенных границ и так

далее» [Главы Ингушетии и Чечни приветствуют принятие закона о местном самоуправлении 2014]. Многие жители Ингушетии не разделяют точку зрения Ю.Б. Евкурова, считая, что принятый на съезде закон о местном самоуправлении без включения части Пригородного района фактически узаконил аннексию Западной Ингушетии в пользу Северной Осетии [ПМА 2013].

Спорные территории вызывают массу нареканий как с одной, так и другой стороны. Объективное рассмотрение и критический взгляд на историю нашего государства, возможно, позволит народам, живущим на спорных территориях, быть лояльными к судьбам соседних народов и пытаться не исказить исторические факты в угоду чьим-то политическим интересам.

Только через знание собственной истории и традиций предков наше общество может обрести позитивный жизненный настрой. И наша задача состоит в том, чтобы даже тяжелые, кризисные этапы прошлого транслировать без оценочного негатива, в формате серьезной аналитики, необходимой для понимания и освоения уроков как негативного, так и позитивного прошлого наших народов, во благо будущих поколений.

Учитывая опыт предшествующих эпох, нужно стремиться сохранить те дружеские отношения, которые еще есть в северокавказском регионе. Общество должно не апеллировать к деструктивному опыту прошлого, а стремиться к конструктивному, позитивному диалогу для стабилизации обстановки.

Библиография

Албогачиев А.А. Ингушетия: геополитический народ или геополитическая территория? // Материалы региональной НПК «Вузовское образование и наука». Магас, 2006.

Албогачиев Р. Ш. Вера нас поддерживала. Назрань, 2004.

Албогачиева М.С.-Г. История и этнография ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — второй трети XX в. СПб., 2011.

Албогачиева М.С.-Г. Осетино-ингушский конфликт: причины и последствия трагедии осени 1992 года // «Кавказ Глобализация». Журнал

социально-политических и экономических исследований. Специальный выпуск: Конфликты на Кавказе: история, современность и перспективы урегулирования. Т. 6. Вып. 4, 2012. CA&CC Press, Швеция. Электронный ресурс / http://www.ca-c.org/c-g/2012/journal_rus/c-g-4/06.shtml

Албогачиева М.С.-Г. Республика Ингушетия на рубеже XX–XXI веков // Ингуши. М., 2013.

Алиев М. Ж. Так это было. Назрань, 2007.

Алмазов И.Г. Салтан — владелец Ларса // Сердало. 2010. № 99 (9474).

Альтемиров М. Ингуши: исторический очерк // Жизнь национальностей. 1919. № 15 (23).

Анчабадзе Г.З. Вайнахи. Тбилиси, 2001. URL: <http://www.magas.ru/osetino-ingushskii-konflikt>. Дата обращения 02.12.2011.

Арапханова Л.Я. Спецпереселенцы: история массовых репрессий и депортация ингушей в XX веке. М., 2004.

Ахмадов Я.З., Хасмагомедов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005.

Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002.

Белозерцев С.В. Дело и в терминах и в сути происходящего. URL: <http://consultantsv.livejournal.com>. Дата обращения: 10.01.2012.

Белозерцев С.В. Народный депутат СССР// Даймохк. 1993. № 31–32. Янв.

Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.

Берже А. П. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879.

Богатырев Б. Ожидание справедливости: Российское руководство и Закон о реабилитации. Назрань, 2012.

Боков Ф.П. А это и есть фашизм. Киев, 2008.

Бутаев К. Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 2.

Бывалый. Начало Владикавказа // ТВ. 1911. № 71.

Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979.

Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. XVI. Ч. 1: Ставропольская губерния. СПб., 1851.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Второй съезд ингушского народа. Грозный, 1990.

Гадиев У.Б. Историческое мифотворчество // В поисках идентичности». Назрань, 2013.

Г.В. Этюды об ингушах // Терские ведомости. 1891. № 20.

Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.

Главы Ингушетии и Чечни приветствуют принятие закона о местном самоуправлении // Электронный ресурс: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives>. Дата обращения 12.10.2014.

Грозненский рабочий. 1934. 15 янв.

Грозненский рабочий. 1957. 8 июня.

Джабагиев В.-Г.И. Доверенные лица ингушского народа перед лицом представителя наместника Его Императорского Величества на Кавказе // Дореволюционная публицистика. Работы 1905–1917 гг. Назрань; М., 2007. С. 43. Электронный ресурс: Дата обращения 23.10.2013.

Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов н/Д, 1925.

Дзарахова З.М.-Т. Джейрахский район: дорога жизни (20 лет депортации ингушей) // Геноцид. 20 лет ожидания справедливости. Назрань, 2012.

Дидигова И.Б. Реформа районирования в Ингушетии в начале XX века: особенности, значение // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Магас, 2005. № 3.

Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. Алматы, 2009.

Жутикова Е. Причины повстанческого движения Северного Кавказа в 1920–1925 годах. http://scepsis.net/library/id_2199.html#a63. <http://fogumkavkaz.com/index.php?topic=280.0>. Дата обращения 2.06. 2015.

Захаревич А.В. Донские казаки полка Молчанова 2-го и присоединение к России Ингушетии в 1810 году // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа — III. Пятигорск, 2011.

Земельный кодекс Горской советской социалистической республики. Владикавказ, 1923.

Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе. XIX век: Сборник документов и материалов / Сост. М.М. Картоев. Ростов н/Д, 2014.

Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004: Документы, материалы, комментарии / Сост. Я.С. Патиев. Магас, 2004.

Ингушский терминологический сборник. Орджоникидзе, 1933. № 1.

История Владикавказа (1781–1990): Сборник документов и материалов. Владикавказ, 1991.

История чеченской письменности. URL: <http://www.teptar.com/documentary/articles>. Дата обращения: 20.05.2011.

История Ингушетии. Магас, 2011.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII — 1917 г.). М., 1988.

Карпов Ю. Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия. СПб., 2001.

Карпов Ю.Ю. О социальной культуре и общественных практиках народов Северного Кавказа // Кавказ и Россия — прошлое и настоящее: Материалы для научно-практического семинара «Проблемы толерантности в петербургской школе» // СПб., 2007.

Кодзоев Н. Д. Назрановское восстание 1858 г. // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2005. Вып. 3.

Козлов В.А., Полян П.М. и др. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011.

Кокорхоева Д.С. Становление и развитие Советской национальной государственности ингушского народа (1917–1944 гг.). Элиста, 2002.

Коренев Д. З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.

Куркиева Х.М. Историческая демография и расселение // Ингуши. М., 2013.

Краткая справка об административно-территориальных изменениях Ставропольского края за 1920–1992 гг. https://ru.wikipedia.org/wiki/Чечено-Ингушская_автономная_область#cite_note-1. Дата обращения 2.12.2014.

М. Из-ев. Из селения Сагопш // Терские ведомости. 1885. № 73.

Мальсагов А.А. Сельское хозяйство Ингушетии и пути его реконструкции. Нальчик, 2002.

Магомадова Т.С. Владелец Ларса Султан-Мирза в первых русско-ингушских взаимоотношениях // Материалы конференции Чечено-Ингушского государственного университета по итогам 1974 г. Грозный, 1976.

Мартиросиан Г.К. История Ингуши. Орджоникидзе, 1933.

Матиев Т.Х., Мужухоева Э.Д. Социально-политическое развитие в XIX – начале XX века // Ингуши. М., 2013.

Моя Чечено-Ингушетия / Под ред. Н.А. Тавакалян. Грозный, 1979.

Мужухоева Э.Д. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40–60-х годах XIX в. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982.

«Наказанный народ». Как депортировали чеченцев и ингушей. URL: <http://www.stolicaplus.ru/index.php>. Дата обращения 12.01.2012.

- Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.
- Новицкий И. А.* Управление этнополитикой Северного Кавказа. Краснодар, 2011.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2.
- Патиев Я. С.* 20 лет бездействия закона. Назрань, 2011.
- Патиев Я.* Хроника истории ингушского народа. Махачкала, 2007.
- Посемейные списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области. Т. I–II. Нальчик, 2009.
- Районы Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1930.
- Ратгаузер Я. А.* К истории Гражданской войны на Тереке. Баку, 1928.
- Сайдумов Д. Х.* Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.). Грозный, 2014.
- Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II.
- Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878.
- Скитский Б. В.* Назрановское возмущение 1858 г. Владикавказ, 1930.
- Совершенно секретно 2001–2002: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. (1922–1934). М., 2001–2002.
- Совершенно секретно. М., 2004. Т. 6. Октябрь 1928 г.
- Список населенных мест Северо-Кавказского края. Ростов н/Д., 1925.
- Султыгов А.-Х.* Февральская революция и горцы // Агентство национальных новостей. 2007. 26 марта.
- Суханова Н. И.* Гражданская война 1917–1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект: Дис. ... д.и.н. Ставрополь, 2004.
- Так это было: Национальные репрессии в СССР: в 1919–1952 г. / Сост. С. У. Алиева. М., 1993. Т. 2.
- Тархов С. А.* Изменения административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. 2001. № 15.
- Терские ведомости 1905. 9 февр.
- Терский календарь. Тифлис, 1894.
- Терский сборник. Владикавказ, 1896.
- Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности. М., 1997.
- Тишков В. А.* Социально-политическая ситуация в 1950–1990-е годы // Ингуши. М., 2013.
- Трагедия ингушского народа / Сост. Ю. Тангиев. Грозный, 1991.
- Тусиков М. Л.* Ингушетия: экономический очерк. Владикавказ, 1926.

Уралов (Авторханов) А. Убийство чечено-ингушского народа: Наро-дубийство в СССР. М., 1991.

Фокин В. Выселение казаков Сунженского отдела (1921 г.) // Электронный ресурс <http://sunzha.narod.ru/vxselenie.htm>. Дата обращения 12.11.2014.

Христианович В.П. Горная Ингушетия (к материалам по экономике горного ландшафта) // Труды Северо-Кавказской ассоциации НИИ. Ростов н /Д., 1928.

Шнирельман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // Вестник Института Кеннана в России. 2008. Вып. 13.

Эльбиздукаева Т.У. Чечня и Ингушетия в 20–30 годы XX века: опыт модернизации. М., 2011.

Яблонский А. Родные картинки. М., 1912. Т. 2.

Источники

АВПР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел

АКАК — Акты кавказской археографической комиссии

АК-Б НИИ — Архив Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института

ГАРО — Государственный архив Ростовской области (Копии из коллекции Государственной архивной службы Республики Ингушетия (выходные данные источников даны в точном соответствии с оригиналом)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Копии из коллекции Государственной архивной службы Республики Ингушетия (выходные данные источников даны в точном соответствии с оригиналом)

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПАРО — Партийный архив Ростовской области — ныне Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)

Полевые материалы автора 2012, 2013, 2014.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГА ИПД РСО-А — Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания.

ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив